

ПРЕДАТЕЛЬ ИЛИ СТРАНА ОЖИВШЕЙ МЕЧТЫ

От автора

Я и сам не понимаю, что за произведение получилось. Короткая фантастическая повесть или длинный рассказ, политический памфлет или завуалированное философское исследование. Налицо попытка популярного изложения проблемы истины и справедливости, преподнесённая в жанре фантастики. Почему так? Потому что скучные наблюдения и логические построения никто читать не станет. Нужно перевести их в форму развлекательного и попробовать так отложить в головах полезное знание.

Жюль Верн через фантастический антураж пробуждал интерес к науке и технике. Почему бы в центре сюжета не поставить практику, а не вымысел о нашей жизни? Через призму увлекательного дать картину того, как и почему всё происходит на самом деле. Показать то, что скрыто от общества лживыми идеологиями, лукавой пропагандой, лженаукой, легковерием и откровенной глупостью. То, что никогда не будут публиковать СМИ. Надеюсь, что хоть в какой-то мере мне это удалось.

Ведь справедливость в обществе вовсе не какая-то химера и она может возникнуть даже без революций. Нужно лишь знать, что этому на самом деле мешает. Настоящая, но до сих пор тайная картина движущих сил цивилизации совсем иная, чем в газетах, ТВ и даже учебниках. Факты и газетные толкования фактов не одно и то же. Голый факт ведёт к истине, а его толкования к заблуждениям и тупикам. На сегодня мы все жертвы толкований. Не зря главный персонаж говорит: "Никто в массах не имеет ни малейшего представления, как справедливость выглядит в преломлении конкретных формул законов. Впрочем, как выглядит произвол в законах тоже тайна, а ведь произвол с помощью смысловых подлогов прописывается именно там".

– Фрэнк, думаешь, это очень опасно? – спросила Грета, помогая мне застегнуть портупею кобуры над рубашкой и подавая лёгкую куртку, заменяющую пиджак.

– Не думаю, – успокоил я свою супругу. – Лабария страна маленькая и спокойная. Что там может угрожать опытному агенту ЦМУ из Вашингтона, перед которым трепещет любая страна мира? Кроме России и Китая, правда. Им на ЦМУ совершенно наплевать. Пройдусь по улицам тихой и зелёной столицы Лабарии – Тафии, послушаю, что говорят люди и вернусь.

– Твоими бы устами..., – засмеялась Грета. – Вот в газетах и по телевиду о тишине в Европе и не заикаются. Одна надежда на твою осторожность и поддержку нашего Центрального, теперь уже миротворческого управления.

Ладно уж, я привыкла, но ты что-то рано собираешься. К туннелю ведь тебе назначено прибыть только через четыре часа.

– Нужно ещё посетить одну научную конференцию о Лабарии. Вдруг там узнаю что-нибудь свеженькое и полезное. Да и Георг там, наверное, будет. Неплохо бы с ним перекинуться парой слов. Наш знаменитый экономист опять разродился толстенным чуть ли не романом о проделках мирового капитала и его роли в прошедшей войне.

– Что-то давно он к нам не заглядывал. Передавай от меня привет.

– Непременно, – ответил я, повесил на плечо сумку, чмокнул благоверную в щёку и выскользнул за дверь.

Моя верная, восьмисоткиловаттная красotka голубой масти ждала меня у гаража. Я сильно покривил душой с Гретой насчёт спокойствия в Лабарии. Не должно быть там никакого спокойствия. Вся Европа сейчас – это чуть ли не раскалённая противоречивой информацией сковорода, а огнём под ней, похоже, по слухам как раз оказалась ничем неприметная Лабария. Слава Богу, что никакими военными действиями пока что не пахнет. Может, рассосётся? Интересно, что об этом скажут старые пердуны из Географического и антропологического общества, в которое я направляюсь. Судя по времени, конференция уже началась. А возникла проблема с Лабарией вроде бы из совершенного пустяка.

Мир усмехнулся три года назад, когда среди развалин, могил и информационной растерянности после Пятой мировой войны в средствах массовой информации проскользнуло странное сообщение из Европы. В какой-то почти никому неизвестной Лабарии, расположенной на Калпанском полуострове юга Европы, возникло какое-то политическое движение с нелепым названием "Битва за честный труд" или кратко БЧТ. Тогда не только название движения представлялось нелепым, но и идеология его явно была парадоксальной и провокационной. Все силы пострадавших от войны государств брошены на восстановление национальных хозяйств, а какая-то кучка безответственных личностей объявила, что восстанавливай – не восстанавливай, а мир, как и раньше всё равно остаётся под угрозой очередной войны. Прежде, чем восстанавливать, нужно пресечь возможность возникновения событий, ведущих к войнам и кризисам. Посмеялись и забыли об этих чудаках.

Мир насторожился два года назад, когда движение БЧТ в Лабарии разрослось настолько, что там стал очевиден полный крах правящей партии на предстоящих выборах. Правительство безуспешно пыталось спасти положение, разгоняя толпы возмущённых демонстрантов. Получалось всё наоборот. Напряжение росло ещё больше. В конце концов, всё же прозвучал со стороны полиции роковой выстрел и люди, словно сорвались с цепи. Выяснить случайный это был выстрел или намеренный так и не удалось. Всех полицейских, участвовавших в столкновении, толпа разорвала в клочья. Но много убитых, раненых было и среди демонстрантов, что вообще всё страну поставило на дыбы.

Мне довелось как раз в то время быть в Тафии с надзорной миссией ЦМУ. Я ведь ещё и довольно известный в своих кругах лингвист и социолог. Читаю лекции в университете. Чисто говорю на двадцати восьми языках. В том числе и на лабарийском. На этой почве у меня в Лабарии появились благожелательные коллеги среди языковедов и чуть ли не друзья среди случайно встреченных людей. Очень неплохой, доброжелательный народ, если его не злить и не хватать за горло. Впрочем, от удушения любые добряки любой национальности расสวิрепеют. Не в первый раз такая история повторяется в мире.

Два дня я на всякий случай не выходил из отеля, наблюдая в окно разыгрывающиеся на улице драмы и трагедии. Стрельба далёкая и близкая. Кто-то убегает, а за ним несётся что-то орущая, чуть ли не потерявшая человеческий облик группа мужчин и женщин. Одного нагнали и растерзали прямо напротив моих окон. Где-то что-то горит и не в одном месте. Слышны сигналы пожарных машин и скорой помощи. Заунывно и долго воет сирена. И всё это не только днём, но и ночью.

– Что там происходит? – поинтересовался я у горничной.

– Ловят работников секретных, охранных и полицейских служб, судей, экономических аферистов, запятнанных преступной деятельностью против граждан, – с каким-то подъёмом и внутренним удовлетворением ответила она.

– Всех подряд?

– Нет, конечно, что вы, – успокоила горничная, разглаживая простыню на кровати, – у нас есть списки.

– У вас?

– Что вы удивляетесь, господин Харт, горничные тоже люди и как все подвергались притеснению. Теперь долг каждого помочь очистить страну от мусора. Так что и меня можно увидеть бегущей, образно говоря, с пистолетом и дубиной по улицам в своём районе. Но обязанность работать никто не отменял.

– Просто не могу, Марта, представить вас в таком качестве. Белый фартучек с кружевами и окровавленная дубина. В голове не укладывается.

– Вы же лингвист, господин Харт, а, стало быть, немного и философ. Должны понимать, что может происходить с людьми, доведёнными до крайности. Не беспокойтесь, – засмеялась она, – вас в этих списках нет, и не может быть.

– Вас, Марта, тоже довели до крайности?

– Можно и так сказать. Я ведь неплохой экономист. У меня есть и учёная степень, и много научных работ, но вот тружусь горничной, чтобы прокормить детей и себя. Свергнутой власти наука была не нужна. Воровство, казнокрадство, коррупция в науке потребности не имеют. Вот закончится бунт, который уже стихает, и я найду себе работу по талантам. Всё нужно строить заново и, похоже, будет на каком фундаменте поднимать страну.

– Как думаете, на улицу уже выйти можно?

Марта задумалась.

– Полагаю, можно, если у вас крепкие нервы. Будете свидетелем. О вас, господин Харт, отзываются как об объективном и доброжелательном к нам человеке. Да и наши с вами случайные разговоры бывают приятны.

На улице спокойно. Трупов уже нет, но кровавые пятна с асфальта ещё не смыты. Оживлённо идёт энергичная уборка завалов мусора, вывоз сгоревших машин, замена разбитых стёкол. Везде развешены печатные и рукописные плакаты "В воскресенье выборы!". Потихоньку дохожу до центральной площади. Необычная тишина и относительная чистота. Несколько фигур, похоже, что иностранцев стоят посреди площади и с изумлением и ужасом оглядываются по сторонам. У парламента на фонарных столбах и опорах для знаков и указателей чуть ли не гроздьями висят депутаты. Фотографии многих я видел в газетах, а с некоторыми встречался и лично на околonaучных пирушках. Легенда и маскировка у меня, как агента ЦМУ весьма солидная.

У дома правительства таким же порядком висят министры. Правда, у некоторых из висящих свой личный столб. Министра науки и образования среди них нет. Министра сельского хозяйства тоже. В полном параде висит военный министр. Даже фуражка надета. Вероятно, списки, о которых упоминала Марта, в самом деле, существуют и они составлялись с отбором. На дикий бунт никак не похоже. Но вот среди депутатов исключений вроде бы нет. Переходя от столба к столбу пересчитываю. Сто девяносто два. Восьмерых не хватает. Значит, почти все за малым исключением. Вроде бы отсутствуют оппозиционеры. Хотя полной уверенности нет. Лица сильно искажены. Однако если списки, то это списки от оппозиции и сработано чётко. Прочим сбежать не дали. Это говорит о серьёзной подготовке. Не бунта, который возник стихийно, а перехода власти в другие руки. Если бы не бунт, то, скорее всего, повешенные остались бы живы, но оказались в тюрьме. Это жертвы неосторожного выстрела в толпу. Теперь уж ничего не изменишь.

Через два дня после выборов в Лабарии я вернулся в Штаты. Мой доклад восприняли тупо, никак не высказав своего отношения к произошедшему перевороту в этой стране. В это же время новое правительство Лабарии мягко, но настойчиво попросило всех иностранцев покинуть страну и объявило о выходе из военных коалиций и ликвидации иностранных баз на своей территории. После ужасов прошедшей войны никто и не подумал поставить на место какую-то там вшивую Лабарию угрозой военного вторжения. Все уже по уши этим сыты. Границы были закрыты, базы ликвидированы, а импорт товаров сократился почти на девяносто процентов. Некоторым дипломатическим миссиям тоже "посоветовали" завершить свою деятельность в Лабарии. В том числе и Штатам. Наступила неизвестность о том, что там происходит. Даже любителей дешёвых туров к тёплому морю перестали принимать. Валюту Лабарии – лабкрону сняли с котировок на международной валютной бирже.

Мир финансов впал в панику и протрацию год назад, когда правительство Лабарии отказалось оплатить долги по искам внешних

корпораций и фондов, поданным в Международный суд. Лабария выдвинула истцам встречный иск о вывозе теми из страны национальных богатств по подложным законам и договорам. Сумма встречного иска в двенадцать раз превышала сумму долга. От такого нахальства финансовые круги сначала обомлели, а затем начался визг возмущения и угрозы экономической изоляции Лабарии. Однако как можно изолировать то, что уже самоизолировалось, так никто и не описал. В газетах появились данные об основаниях лабарийского иска, которые опровергнуть никто и не попытался. Так вся эта свистопляска и заглохла через некоторое время, но чувствуется, что до сих пор вопрос так и не закрыт. Слишком дурной пример показала Лабария другим должникам.

Мир озадаченно замер, когда два месяца назад Лабария объявила о частичном открытии границ, возобновлении дипломатических связей, туризма, научного сотрудничества и торговых отношений в части сельскохозяйственной продукции. То, что руководство ЦМУ оказалось озадаченным больше всех, говорит вызов меня всего лишь неделю, а не месяц или полтора назад к шефу – крупному специалисту по миротворческому шпионажу и диверсиям.

– Фрэнк, – мрачно начал мой шеф, – ты у нас единственный стоящий специалист по Лабарии. С тех пор как там произошёл бунт никто из завербованных нами агентов за два года так и не дал о себе знать. Правда, страна не стоящая большого внимания и было-то там у нас всего несколько информаторов из службы государственной безопасности. Подкармливали на всякий случай, а теперь и их нет. Не можем же мы ориентироваться на журналистской враньё.

– Я же докладывал тогда, что бунт там, судя по всему, совсем не планировался. Но зато планировалась тщательная чистка государственного аппарата. Вот наших завербованных и вычистили. Думаю, что их и в живых-то нет. Хотите меня туда послать?

– Хочу или не хочу, не играет роли. Нам нужно знать, что там происходит. Поедешь через туннель, а не воздухом. По пути к цели или после того посмотришь по сторонам и сравнишь с тем, что обнаружишь в Лабарии.

– Так ведь на европейских дорогах всё ещё орудуют послевоенные банды. Вылавливают, конечно, их, но до безопасности ещё далеко.

– Что поделаешь, – тяжело вздохнул шеф, – пристраивайся к караванам. У нас выхода нет. С тех пор, как Лабария частично открыла границы, в Штатах началось какое-то неопределённое брожение умов. Не понять даже где и среди кого. Никаких новых политических организаций не возникало. Так что федералам и Госдепартаменту и ухватиться не за что. Через несколько дней в географическом обществе состоится конференция по новой политике Лабарии. Кто-то из умников там уже побывал, и будет делиться впечатлениями. Мы всё запишем, но в сборе информации для ЦМУ лучше своего человека не может быть никого. Так что собирайся, получи наличные в кассе и не экономь, загляни на

конференцию и отправляйся. Легенда и документы, разрешение всеобщего образца на оружие у тебя будут те же, что и раньше.

– Ещё один вопрос, шеф. А что в Москве говорят об этом?

– Ничего. Видимо, там о чём-то знают больше нас. Москва почему-то перестала говорить о европейских делах ещё год назад. Агентские связи и там у нас с войны разрушены, а твой бывший школьный приятель Питер Рейн шлёт нам какие-то беспокоящие, если не сказать панические наблюдения, в которые трудно поверить. Он в Москве военным атташе при посольстве. Неплохо было бы тебе к нему заглянуть и ещё куда-нибудь в Европе. Постарайся обернуться за месяц или два. Очень на тебя надеюсь.

Вот эти события и привели к тому, что я сейчас подъезжаю к зданию Географического и антропологического общества. Конференция уже идёт, и я тихонько проскользнул в зал, обменявшись вежливыми кивками с некоторыми из знакомых по науке коллег. А вон и Георг привстал и машет мне рукой. Пробираюсь к нему. Соседи передвинулись и освободили мне место. С кафедры вещает неведомый мне, начисто плешивый деятель лет семидесяти.

– Известный социолог и антрополог Марк Гонсовский, – подсказывает мне Георг. – Только что прибыл из Лабарии.

Устраиваюсь поудобнее и прислушиваюсь.

– Таким образом, внутренняя политика сегодняшней Лабарии построена совсем не на политической идеологии, а на трёх китах всем известных правил, породивших нашу цивилизацию, – доносится с кафедры. – Напомню вам об этих правилах, ибо аналога такого своеобразного применения всем известных экономических законов в мире пока нет и никогда не было. Что у них там из этого получится даже предположить не на чем.

Так вот, правило один гласит: "Труд - это имущественная и интеллектуальная основа цивилизации".

Правило два добавляет: "Общественные отношения возможны лишь при наличии полезного для общества труда".

А правило три подводит итог: "Степень полезности труда определяет тот, для кого труд предназначен - его потребитель".

– И это всё, что ты называешь своеобразием, Марк? – донеслось из первого ряда.

– Нет, Франк. Они применили эти правила для анализа отношений между гражданами и служащими управления и законотворчества государства. Получили поразительный результат.

– Понятно, убедились, что эти отношения дрянь. Так это мы и так знаем и видим.

– Что у тебя за привычка, Франк, перебивать, не дослушав до конца! Сколько лет тебя знаю и всё время одно то же.

– Ладно, извини, Марк, больше не буду. Крой дальше!

– Дальше, дальше, ты меня с мысли сбил.

– Эй, там – во втором ряду! – выкрикнул кто-то в середине зала. – Дайте Франку подзатыльник. Вечно он со своими фокусами, которые уже всем надоели.

Однако докладчик продолжил описывать свои наблюдения в Лабарии.

– Так вот, о результате, который был получен. Он оказался поразителен тем, что находится у всех на виду, но так никем и не замечен за всё время существования цивилизации. Мы знаем, что жалование лицам власти за услуги управления всегда и везде выплачивается из государственной казны. А доступ к этой казне имеют как раз эти самые лица. Следовательно, они платят сами себе, а вовсе не мы – налогоплательщики, как нас убеждает пропаганда. В таких условиях нет и не может быть критериев полезности их труда, соответственно, и оснований для взыскания за вред. Понимаете? Франк, чего ты заёрзал-то? Коллеги, заткните ему рот прежде, чем он его откроет.

– Продолжай, продолжай, Марк, мы его подержим. Уже поняли, куда ты клонишь. Это интересно.

– Коллеги, а тут и клонить-то уже некуда. Раз не мы платим прямым путём за услугу, которая нам нужна и поэтому не имеем возможности оценить её полезность и пресечь вредность, то исполнители этой услуги не входят в государственную систему общественных отношений, в которой находимся мы все. Это объясняет, почему им совершенно наплевать на нас. Что бы там наверху ни вытворяли, жалование себе они выдадут исправно и в любом размере. А у нас с вами, какие должностные ставки, коллеги? А?

Зал дружно и тяжело вздохнул.

– Возникает дикое положение. С лицами власти у нас нет взаимной зависимости, какая у нас с вами есть между собой. Они отщепенцы с глубиной силовых ведомств. Вот вам и причина произвола, войн и кризисов, о происхождении которых мы все гадаем. Законы, установленные для всех, для них не обязательны. Становится понятным, почему там процветают предательство и коррупция.

В зале наступила мёртвая тишина. Даже Франк затих, прекратив попытки вырваться, и его отпустили. Я наклонился к уху Георга.

– Что ты об этом думаешь?

– Логика железная. Особенно про наши должностные ставки.

Через два ряда впереди поднялся деятель с роскошной шевелюрой и бородой.

– Марк, твои доводы очень убедительны, но для чего, в конечном счёте, созвана конференция? Ты хочешь сказать, что в какой-то там захудалой Лабарии решили проблему, которую не может решить человечество за всё время своего существования?

– Похоже на то, Эрнст.

– И как?

– В Лабарии после бунта созвали национальное собрание и отменили оплату труда служащих государственного управления, законотворчества и суда из казны. Ввели выделенный налог на эти цели. Теперь любой гражданин,

которому действиями власти нанесён ущерб, может пойти в суд и получить освобождение от этого налога до тех пор, пока ущерб ему не будет возмещён за счёт виновных. Те, кто попытаются отменить, урезать это установление, объявляются вне закона.

В зале опять все замерли, но через некоторое время возник гул переговаривающихся голосов. Обретший свободу Франк выкрикнул:

– Это означает гражданскую войну!

– Но в Лабарии же гражданской войны нет, – возразил волосатый и бородатый.

– Потому нет, что они тех, кто мог бы гражданскую войну затеять, предусмотрительно развесили на фонарных столбах, – донеслось откуда-то из середины зала.

И тут заспорили сразу все. Из возникшего гвалта можно с трудом уловить общую мысль. Получится или нет решить проблему конституционным путём без фонарных столбов? Одни утверждают, что получится, а другие, что нет. На докладчика уже никто внимания не обращает. Он покинул кафедру и смешался со спорящими. Пожалуй, пора уходить, что мы с Георгом и сделали, удалившись в курительную комнату.

Да-а, интересные дела происходят в Лабарии. Любопытно, какотреагируют федералы, Госдепартамент и ЦМУ, прослушав запись конференции? Такая бомба под любой существующий строй! Или совсем не бомба, а очередная политическая химера? Впрочем, прав Георг. Логика в фактах и событиях построена серьёзно и я что-то не вижу в ней принципиальных прорех.

– А что ты об этом думаешь? – спросил Георг, раскуривая свою трубку.

– Даже и не знаю, но, может быть, узнаю. Я ведь как раз туда еду.

– Понятно. Твоё ЦМУ проснулось. Свернёшь ты себе когда-нибудь шею на их заказах по информации.

– Надеюсь, что не сверну. Вот вспоминаю, что я наблюдал и слышал там два года назад. Были намёки на какие-то новые преобразования, но ведь лидеры бунтов всегда что-то новое обещают.

– Приглядишься. Если верить Гонсовскому, то фокус там придумали своеобразный. Интересно, что получится из него. Однако как экономист скажу, что фокус для Лабарии опасный.

– Почему?

– Потому что он в первую очередь опасен мировому капиталу.

– Понимаю, мир капитала лежит на властном прохиндействе и пример Лабарии для него смертелен, если распространится.

– Вот именно. Ты когда едешь?

– Прямо сейчас.

– Я вот о чём тебя попрошу. Если окажешься в Петербурге, то загляни к Ивану Покровскому. Чудесный старикан. Умница и прекрасный историк. Передай от меня привет и спроси, не нужно ли чего. Вот его телефон и адрес. Когда вернёшься, то сразу мне позвони. Нет, подожди.

Георг принялся рыться в бумажнике.

– Вот восемьсот пятьдесят долларов. Больше у меня с собой нет. Отдай ему и соври, что это гонорар за его статью, которую я где-то опубликовал. Ему, наверное, сейчас тяжело.

– Договорились. Заверну в Петербург.

На подъезде к туннелю пришлось ждать почти час своей очереди. Рано приехал. Туннель после войны восстановили первым делом. Это гигантская труба между Вашингтоном и Гибралтаром, плавающая на якорях где-то в глубинах Атлантического океана. Скорость перемещения по ней шестьсот пятьдесят-семьсот километров в час. Поэтому попасть в трубу, не нарушая непрерывности потока машин не так-то просто. По обе стороны въезда в туннель есть по несколько разгонных желобов длиной километра по три, сходящихся на въезде в трубу туннеля. Грузовую или легковую машину ставят на платформу с магнитной опорой и запускают по жёлобу. Автоматика регулирует относительное положение разгоняемых платформ в разных желобах. Так что платформы с машинами из желобов влетают в туннель одна за другой и так в непрерывно повторяющемся цикле. Попал в трубу и можно устраиваться поспать.

В Гибралтаре уже вечер и сегодняшние караваны уже давно ушли. Нужно присоединиться к завтрашнему, чтобы попасть во Францию. По расписанию отход первого каравана в девять утра. Остановка перед Пиренеями и на следующее утро идём дальше. На площадке отправки десятка четыре больших грузовиков и несколько легковых машин. Тут же двухэтажный мотель. Пристраиваю своё чудо рядом с грузовиками, перекусываю в мотеле и с удовольствием заваливаюсь в широкую кровать.

Утром на площадке оживлённо. Водители, включая и меня, доливают воду в паровые реакторы своих машин, проверяют оружие, запасаются питанием в ближайшей лавке. Между машин бродит симпатичная женщина лет тридцати или чуть старше с рюкзаком, и расспрашивает о чём-то водителей. Они выслушивают её, пожимают плечами или отрицательно мотают головой. Женщина подходит и ко мне.

– Скажите, пожалуйста, вы через Париж поедите? – по-английски, но с заметным французским акцентом спрашивает она.

– Поеду.

– Не согласились бы взять меня в попутчики? Третий день никак не могу уехать, – и, уловив мой взгляд, которым я с сомнением её окинул, добавила: – Не беспокойтесь, у меня есть пистолет и компакт-пулемёт. А из армии я уволилась в звании строевого капитана пехоты. Хотя первоначально тренировалась на десантника.

– Это меняет дело. Такой попутчик был бы мне очень полезен. Сам-то я когда-то дослужился лишь до лейтенанта, а в войну призван не был. Располагайтесь. Нет, рюкзак на заднее сидение, а не в багажник. Ведь огнестрельная половина ваших достоинств, конечно же, в нём?

– В нём, – засмеялась моя попутчица.

А я повнимательнее к ней присмотрелся. Довольно стройная, сероглазая брюнетка с маленьким, изящным носиком. Умеренный загар, развитые мышцы рук нисколько не портящие их форму. Видно как напряглись бицепсы, когда она снимала, видимо, не такой уж лёгкий рюкзак. Взгляд же в глубине серьёзный и печальный, не располагающий к флирту. Замечательно, значит, не будет всяких недоразумений. Капитан, так капитан и не более того.

– У нас с вами, мадам...

– Люси, – протянула она мне руку.

– Фрэнк, – ответил я на крепкое рукопожатие. – Нам с вами, Люси, нужно позаботиться о пище на предстоящие дни. В дороге вряд ли везде удастся это сделать.

– Согласна с вами. Я уже третий раз возвращаюсь домой этим путём. Видела, что там впереди.

– Тогда вас мне сам Бог послал. Побежали в лавку! Ждать нас никто не будет.

Испания умеренно пострадала от войны, что касается разрушений, но одинаково со всеми пострадало население в социальном и экономическом плане. Уже почти шесть лет прошло с окончания Пятой мировой войны, а мир так и не может ещё хотя бы на четверть оправиться от минувшей беды. Некоторые же почитают великим счастьем хотя бы то, что никто не рискнул бросаться ядерными бомбами. Может быть, они и правы. Мимо проплывают заросшие сорняками поля, которые ещё пока некому обрабатывать. Кое-где разрушенные дома, но уже идёт их восстановление и встречаются даже совсем новые постройки. В общем, уклад оживает.

Если судить по материалам, которые мне довелось видеть, то во Франции всё гораздо печальнее. Она оказалась почти в эпицентре войны непонятно с чего начавшейся. Просто полыхнуло сразу почти везде. Да и сама война странная. Прямо по ходу её возникали и мгновенно распадались коалиции и военные блоки. Вчерашние союзники становились врагами, а немного погодя, опять союзниками.

Армии напрямую почти не сталкивались и урон армиям и населению несли густо разбрасываемые бомбы и артиллерийские, ракетные обстрелы. За два года опустошающей войны возникла такая каша, что после окончания было не понять, кто же в ней победитель. Так и не поняли. Штатам тоже досталось по первое число, а из сохранившихся почти в неприкосновенности больших столиц оказались лишь Вашингтон и Москва. И то только по одной причине. Все армейские возможности были направлены на их непробиваемую защиту. Вернее, на защиту тех, кто эту войну, собственно, и затеял. На всё прочее, включая население за пределами столиц, было наплевать. Вот тут всё было исполнено безукоризненно, включая наплевательство.

К подножию Пиренеев прибыли на закате дня. Переночевали, и утром колонна пошла в горы.

– Так вы, Фрэнк, с караванами ни разу и не ходили? – тщательно подбирая английские слова, поинтересовалась Люси.

– Не довелось, – решил я ответить по-французски. – Можете говорить со мной на родном языке.

– О, а у вас чистая речь. Жили во Франции?

– Нет, лишь бывал несколько раз. Просто я по профессии лингвист. Расскажите о караванах.

– Да тут, собственно, дело в везении. Бывает, проходят беспрепятственно. Нападают всё реже и реже. Банды вылавливают. Может, и нам повезёт. Но вот где не повезёт – это лотерея. Нет определённых опасных мест. Наброситься могут, где угодно. Раньше захваченных караванщиков убивали, но после того, как власти провели несколько публичных казней захваченных бандитов, убийства почти прекратились и теперь обычно только грабят, слава Богу. Иногда даже удаётся и отбиться от нападения. Пожалуй, я приготовлюсь на всякий случай, – и полезла в свой рюкзак.

Дама, оказывается, не любопытна. Ни о чём меня не спрашивает. А мы уже въехали в горы и часто проносимся сквозь туннели. Движемся быстро, с большой дистанцией между машинами на случай экстренного торможения. Мы почти в хвосте колонны. За нами только шесть грузовиков. В Андорре остановка на обед. Сюда война не добралась и прохождение караванов счастливое благо для доходов населения. Пересекли границу Франции, и Люси вроде бы задремала, но вдруг встрепенулась и прислушалась. Чуть впереди и вверху, нет, уже теперь прямо над нами возник какой-то раскатистый, гремящий звук.

– Фрэнк, быстро прижмитесь к идущему впереди! – выкрикнула Люси, и я просто непроизвольно нажал на педаль, чуть не въехав грузовику в зад. – Не тормозите!

Позади нас на дороге рухнул камнепад, отрезав от колонны шесть последних грузовиков завалом из больших камней. Мелкие камни дождём забарабанили по багажнику. Несколько камешков влетели в открытый верхний люк. Зеркало заднего вида отчётливо отображает какие-то фигуры стремительно скользящие вниз по канатам, сброшенным с верха скалы. Много фигур. Слышны выстрелы сзади, но не по нам и сразу же стихли. Люси уже торчит в люке и стреляет из своего складного пулемёта по этим фигурам. Вряд ли в кого-нибудь попадёт. Мы уже отъехали довольно далеко. Однако нет, вон одна фигура резко ускорила движение вниз. Другая полетела туда же, размахивая руками.

– Надо же, как нас счастливо пронесло! – воскликнула она, опустившись на своё место. – Секунды спасли. Камнепад шёл прямо на нас. Наверное, так бандиты рассчитывали и ориентировались на нашу машину, чтобы камни не упали на грузовики и не испортили груз. Водители, наверное, уже подали сигнал о нападении. У банды будет не так уж много времени на грабёж, если поблизости есть какая-нибудь военная часть с авиацией.

И, в самом деле, не прошло, наверное, и четверти часа как в сторону лавины почти над нами пронеслись четыре армейских вертолётa. Спустились с гор уже без приключений. В Тулузе караван приготовился разделиться. Часть двинется в сторону Италии и Австрии, а другие пойдут к атлантическому побережью. Париж не нужен никому, кроме нас с Люси.

– Что же теперь делать? – растерянно пробормотала моя спутница. – Ждать других караванов с попутными машинами?

– От Андорры до Тулузы почти день пути. Дорога завалена и когда её расчистят неизвестно. Нам придётся ждать дня два-три при том, что гарантии попутчиков всё равно нет. Ночуем здесь и утром двигаемся в Париж.

– Вы это серьёзно, Фрэнк?

– Вполне. Не смотрите на мою красотку с сомнением. В ней бездна скрытых достоинств. Машина у нас с вами бронированная, двигатель по мощности, как у небольшого танка, а проходимость, если понадобится, окажется повышенной. Только вот шины почти обычные. Других сейчас не достать. Думаю, уж как-нибудь прорвёмся в пиковой ситуации.

– Что-то не очень вы, Фрэнк, похожи на простого лингвиста, – покачала головой Люси. – Пожалуй, меня ждёт интересная поездка и я не против рискнуть.

Утром, забравшись в машину, немного молча посидели, словно собираясь с духом перед прыжком в воду, и двинулись вперёд. Картина вокруг удручающая. Такие же пустующие поля, как и в Испании, но есть уже и обработанные, на которых ровными рядами растёт что-то культурное. Довольно часты лесополосы и руины деревень, но некоторые уже ожили и отстроились.

– Здесь ещё ничего, – прервала молчание Люси. – Видели бы вы средиземноморское или атлантическое побережье в полосе досягаемости пушек и пусковых установок военных кораблей.

– Люси, вы, пожалуйста, обрисуйте мне вражескую диспозицию на пути впереди.

– Если кратко, то это дорожные банды из уголовников, бывших дезертиров и случайных людей, которым податься некуда.

– Многочисленные?

– Разные бывают, но преимущественно от десяти до двадцати человек. Если больше, то у них мобильность теряется.

– Оружие?

– В основном это ружья подобранные в развалинах деревень, но есть и армейское. Тяжёлое стрелковое оружие им без надобности. Не на военные же части они нападают. Именуют себя партизанами. В общем – шваль. Людей не жалеют. Полиция ещё плохо работает и шансы пройти до Парижа без приключений невелики.

– Понятно.

До Лиможа доехали спокойно. Набрали воды и рано пообедали. Но через час пути дальше нас ждал сюрприз. Километрах в полутора впереди на дороге

различается какое-то препятствие. Камера даёт приближением интересную картинку. Поперёк дороги лежит огромное бревно. В него вбита скоба, а от скобы тянется трос к грузовику, стоящему в стороне слева от дороги. Остроумно. Затащить бревно на дорогу или стащить в сторону можно в любой момент. С правой стороны у дороги человек десять мужчин с ружьями за плечами. Стоят, курят, непринуждённо переговариваются. Ещё двое сидят на бревне и смотрят в нашу сторону. Пока мы с Люси поглядывали на экран, произошло ещё два события. Расстояние до бревна сократилось до полукилометра, а из лесополосы, которую мы проехали, выполз большой трактор и встал поперёк дороги. Мы оказались заперты. Моя пуленепробиваемая красotka запросто обогнула бы препятствие прямо по полям, но злость и какой-то азарт...

– Люси, ваша задача не дать им стрелять нам вслед. Если попадут в шины, то нам конец. А сейчас крепче упритесь ногами в пол и держитесь за что-нибудь.

Машина, не снижая скорости, несётся прямо на бревно. Все головы в группе стоящих "партизан" удивлённо повернулись к нам. Сидящие на бревне перемахнули через него и отскочили назад. Метрах в пятидесяти от препятствия я резко крутанул руль вправо. Люси чуть не завалилась на меня. Моя голубая красавица, несмотря на немалый вес, как лань легко перелетела через канаву. Руль влево и машина врезается в остолбеневших "партизан". Кто-то полетел в сторону, кто-то пёрышком перепорхнул через нас, кто-то попал под колесо. Опять руль влево, а затем сразу вправо и машина опять на дороге.

– Люси!

Моя попутчица как чёртик из табакерки высовывается в люк и начинает палить назад из своего пулемёта. А там – позади не до стрельбы. Успеть бы спрятаться за бревном. Проскочили!

– Ну, вы даёте, Фрэнк! Вам бы каскадёром работать. И дальше будете утверждать, что вы лингвист? Мне даже слышать не приходилось о таких одарённых учёных на бронированных машинах.

– Жизнь чему угодно научит.

Машина ровно бежит вперёд. Люси дремлет с пулемётом на коленях. До Парижа километров двести.

– Люси!

Впереди железная дорога и закрытый шлагбаум, хотя и вдали никаких поездов не видно, и сигнал горит зелёный. Тут уж сворачивать некуда. У покосившейся будки обходчика живописно расположилась группа молодых парней лениво, но с интересом глядящая как мы подъезжаем. Люси опускает стекло.

– Ребята, поднимите, пожалуйста, шлагбаум.

Один из них лениво отрывается от группы, лениво подходит к нам и лениво цедит слова.

– Заплатить бы надо за проезд. На деньги мы не претендуем. Толку в них мало. Вот вещички бы какие-нибудь. У вас, неверное, есть много интересного. Давайте посмотрим.

Из внутреннего кармана как бы случайно распахнувшегося у парня борта пиджака торчит рукоятка пистолета.

– А вот эта вещичка тебя интересует? – спрашивает Люси, высовывая в окно ствол пулемёта.

Парень попятился, а остальные замерли, словно в старину перед фотографом.

– Эй, ты, да-да, ты, рыжий, – скомандовала Люси одному из сидящих, – открой шлагбаум!

Тот как-то боком, боком, оцепенело глядя на мою спутницу, подобрался к механизму и начал крутить ручку. Балка пошла вверх, я тронул машину, а Люси дала короткую очередь в стену будки обходчика. Словно предупредила парней о том, что могло с ними произойти.

– Сосунки, – презрительно оценила эту компанию Люси. – Местные апаши. Даже не думают о том, что ходят по лезвию ножа. И грабежом-то вряд ли занимаются ради дохода. Скорее, из бравады друг перед другом. Сосунки и дураки! Где это мы? А-а, Орлеан. Значит, скоро буду дома.

Я высадил Люси на углу Площади звезды и авеню Клебер. Триумфальную арку ремонтируют и даже почти закончили.

– Фрэнк, может быть, зайдёте к нам на чашечку эрзац-кофе?

– Спасибо, но, к сожалению, мне нужно спешить дальше.

– Тогда загляните, когда будет время.

Люси достала блокнот, что-то написала в нём, вырвала листок и протянула мне. Я же залез в бардачок, выудил оттуда двухфунтовую упаковку натурального кофе в зёрнах и протянул ей.

– Вот, возьмите, Люси, побалуйте семью.

– Ой, какой неожиданный подарок Фрэнк! Навеки ваша должница.

Вышли из машины и Люси водрузила на спину свой рюкзак.

– Можно один личный вопрос, Люси?

– Конечно.

– Что заставляет вас вот так с риском для жизни носиться по странам?

– Пытаюсь собрать разбросанную войной семью. До войны нас было пятнадцать в Париже. После войны мы с мамой вдвоём. Отыскала старшую сестру с мужем и детьми. Теперь нас шестеро и будет девять, но пятнадцать уже не будет никогда.

Люси часто заморгала глазами, отвернулась и исчезла за углом.

Часа два колесил по Парижу просто так. Ужасное зрелище, но народ живёт. Открыты некоторые кафе, и даже уцелевшее крыло Лувра работает как музей. В "Мулен руж" идут спектакли. Долго не мог оторваться от созерцания несчастной Эйфелевой башни. Её вертикальные балки разорваны с одной стороны ниже середины. С другой стороны балки изогнулись наружу, и вершина башни, как ножка громадного циркуля упёрлась в землю.

На стене одного из полуразрушенных зданий, мимо которого я проехал, намалёвана надпись "Лабария – это будущее Европы!!!" На другом висит

замызганный плакат "Не хочу платить властям за их прохиндейство!" В газетах о Лабарии лишь какие-то уклончивые упоминания. Ладно, нужно поискать ночлег.

Дороги в восточном направлении оживлённы и не таят опасности. Не то, что южные трассы. Австрия, как и Лабария оказалась на краю военных действий и не очень пострадала. Не то, что Германия, лежащая севернее. Той досталось, как и Франции на полную катушку. На границе с Лабарией мне не задали никаких вопросов. Только сверили паспорт с базой предшествующих визитов в страну и вот я в Тафии. Ничего не изменилось за прошедшие два года. Хотя нет, изменилось. Улицы блистают чистотой и порядком. Люди даже ходят как-то иначе. Не подавлено, что ли? Облупленных стен домов, словно никогда и не было. В знакомом мне отеле всё, как и раньше и даже портье тот же самый.

– Господин Харт, вы не забыли нас! Рад вас принять опять нашим гостем.

– А у вас, Богомил, я вижу, всё также тихо и мило. И персонал, наверное, сохранился тот же?

– Верно, почти все как работали, так и работают, благодаря Богу.

– И горничная Марта?

– Нет, вот как раз Марты-то и нет – покинула нас.

– Нашла другую работу?

– Можно и так сказать. Марта теперь важный человек – министр экономики, но иногда заглядывает по старой памяти. Недели две назад заходила поговорить о чём-то с директором. С нами поболтала. В этом году ей исполнилось тридцать три. Изредка своих двоих сорванцов оставляет Катерине, когда сама собирается уехать туда, куда их взять нельзя. Вам тот же номер?

– Пожалуй, и распорядитесь поставить мою машину в гараж. Вот ключ.

– Распишитесь в книге.

Бросил сумку на стул в номере и подошёл к окну. Два года назад вон в том магазинчике была вдребезги разбитая витрина, а там – на мостовой лужа крови какого-то погрязшего в грехе государственного служащего растерзанного возмущёнными гражданами. Гнев толпы безжалостен и смертелен. Марта, Марта, какой оборот! Всё-таки нашла работу по своим талантам. Каким кладезем информации может оказаться! Любой агент мне позавидует. Нужно непременно возобновить знакомство и при этом прямо сейчас. Министерство-то экономики на соседней улице.

– Богомил, скажите, пожалуйста, какая у Марты фамилия? – спросил я, спустившись вниз.

– Василева.

– А до сколько работают государственные учреждения?

– До шести. Хотите с ней встретиться?

– Да, как думаете, Богомил, она в городе?

– Раз её сорванцы у нас по отелю не бегают, то, наверное, да. Я могу позвонить и узнать.

– Нет, не нужно. Тут пройти-то всего два шага.

В вестибюле Министерства экономики стоит полицейский. Взглянул на меня, но ничего не сказал. Чуть дальше у стены большой письменный стол со всеми техническими атрибутами секретаря или диспетчера. Девушка лет двадцати вежливо приподнялась со стула и снова села.

– Добрый день. Могу я вам чем-то помочь?

– Мне нужно встретиться с министром экономики.

– Вам назначено?

– Нет.

– Это уже сложнее. Госпожа министр занята, но я узнаю. Как вас представить? А, может быть, ваш вопрос сможет решить кто-либо из заместителей.

– Не сможет. Моё имя Фрэнк Харт из Штатов.

Похоже, Штаты девушку несколько удивили. Она с сомнением внимательно ещё раз взглянула на меня, но трубку сняла.

– Ангела, соедини меня с твоим шефом. Что? Я подожду. Тебе-то зачем? Это не наше дело. Да? Госпожа министр, к вам посетитель вне графика. Не знаю. Не сказал. Вы же сами запретили назойливые вопросы. Фрэнк Харт из Штатов. Да, поняла.

Девушка с озадаченным видом положила трубку.

– Госпожа министр обязательно вас примет, но ей нужно закончить текущие дела и она освободится для вас в шесть часов.

– Хорошо. Тогда я подойду через полтора часа.

Время есть куда деть. Прогулочным шагом добрёл до главной площади. Она сильно изменилась как и улицы. Разбит сквер без деревьев. Трава, низкие кустики, цветочные клумбы, небольшой фонтан, изящные скамейки и очень оживлённо. Мама с детьми и разномастными кошками на поводках, стайки щебечущих девушек, старики тут и там, блаженствующие на скамейках под ласковым солнцем. По ступеням парламента снуют озабоченные чем-то люди. Присаживаюсь рядом с пожилым, совершенно седым господином лет семидесяти. Он повернул голову, пристально взглянул на меня умными, чёрными глазами и вежливо кивнул, как приветственно кивают незнакомым людям, с которыми волей случая оказываетесь рядом на какое-то время. Я ответил.

– Деда, я уже накаталась на велосипеде, – подскочила к нему девчушка лет пяти. – Теперь пора вымокнуть в фонтане.

– Мокни, мокни, но не с ног до головы, а то твоя мама нам задаст по первое число, – с улыбкой разрешил дед, и егоза, стремглав понеслась к источнику воды.

С этим дедом мне встречаться не приходилось, но его лицо кого-то напоминает. Начинаю копаться в памяти и всё-таки признаю его именно по седой шевелюре.

– Господин Анжей Иванов?

– Да, мы знакомы? – обернулся он ко мне всем туловищем.

– Нет, нам встречаться не доводилось. Фрэнк Харт – лингвист из Штатов. Я был в Лабарии с научными целями не раз и в том числе два года назад на этой

тогда довольно своеобразно украшенной площади. Среди украшений не было оппозиционеров. Вы и сейчас член парламента?

– Бывший. Год назад я вышел из него по своей воле.

– Почему?

– Господин Харт, я сейчас уже стар и два года назад был не моложе телом и здоровьем. Так что пора. Своё дело я сделал и в бывшем, и в нынешнем парламенте. Так что пора, – задумчиво повторил мой собеседник.

– Под своим делом вы имеете в виду отмену бюджетной кормушки для служащих государственного управления?

– Именно.

– Не берусь пока судить о вашей правоте и эффективности новой системы общественных отношений, но, мне кажется, инструмент в виде фонарных столбов был, пожалуй, несколько жестковат.

– Ну, система-то совсем не новая, господин Харт. Просто мы удалили из неё очень обременительный, принципиальный дефект. Теперь постепенно выравнивается. Нужно только время на то, чтобы перейти в иное, более человеческое качество. А что касается упомянутого вами инструмента, то его никто и не планировал применять. Так случилось совершенно стихийно. Напротив, группа оппозиции в старом парламенте внесла на обсуждение законопроект конституционного пересмотра источника финансирования органов власти. Он был провален с треском. После этого начались волнения.

– Вы меня извините, господин Иванов, что я не слышал о таком законопроекте. Но даже мне понятно, что иного исхода голосования нельзя было и ожидать. Предложить закрыть лазейку произвола тем, кто на ней живёт и процветает...

– Вы всё прекрасно понимаете, господин Харт, но надежда на здоровое рассуждение парламента у нас ещё теплилась, но так и не оправдалась. Вот теперь, я уверен, что у нас все планы и надежды исполнятся, и знаете почему?

– Почему?

– По очень простой причине. Общественные отношения – система саморегулирующаяся. Если удалить из неё дефекты, то она сама собой будет стремиться к идеалу. Вряд ли она его полностью достигнет, но приблизиться может вплотную. Так что прогноз может быть только положительным. Любая система работает лучше при отсутствии в ней пороков, а мы их взяли и убрали. И незачем строить страшные или радужные предположения. Просто ждём, а это...

Тут мой собеседник вскочил на ноги и закричал:

– Снежана, Снежана, что ты делаешь! Не смей! – и, обернувшись ко мне. – Вот, пожалуйста, бесовка какая. Вся в деда. Извините, господин Харт, но я вас покидаю. Мы каждый день здесь гуляем в это время. Заглядывайте, и я с вами с удовольствием побеседую об инструментах и перспективах, – и бывший депутат спешно удалился, таща за собой детский велосипед.

Да-а, вот уж оборот, о котором я даже и не подозревал, подумал я, тоже вставая и начиная движение к министерству экономики. Оказывается, старому парламенту Лабарии был предложен компромисс, который спас бы его от

расправы, но депутаты своё спасение отклонили. Корусть оказалась сильнее. Что-то там господин Иванов упомянул о противоречиях? Будучи лингвистом-исследователем, мне не раз в разных странах доводилось наблюдать одну закономерность. Люди разных национальностей, укладов, религий и мировоззрений прекрасно уживаются между собой до тех пор, пока среди них не начинают свою разрушительную деятельность политические, религиозные или криминальные провокаторы. Похоже, что в Лабарии налаживают отношения, в которых провокаторам и прохиндеям будет очень неуютно. Однако любопытная личность сам господин Иванов. Вряд ли составление списков для чистки государственного аппарата два года назад обошлось без него, но злодей в нём как-то не ощущается.

До шести ещё четверть часа и я устроился в вестибюле министерства на диванчике рядом с каким-то мужчиной лет тридцати. Девушка за столом, увидев меня, сняла трубку и кому-то доложила, видимо, как раз об этом. Полицейский, изнывая от скуки, бродит из угла в угол, надолго останавливаясь у окон. Некоторое время спустя, девушка, глянув на стенные часы, начала суетливо собирать свои блокноты и бумаги. С лестницы и из обоих коридоров, оживлённо переговариваясь, хлынули в вестибюль люди, хотя никаких сигналов окончания рабочего дня слышно не было. Рефлекс примерного служащего? За мельканием фигур я и не уловил, в какой момент Марта Василева остановилась перед диванчиком. Среагировал на голос.

– Антон, сегодня вы свободны, – обратилась Марта к мужчине, сидящему рядом. – Я дойду до дома пешком.

Тот кивнул, встал и быстро удалился.

– Очень рада вас видеть, господин Харт, – поворачиваясь ко мне и протягивая руку, проговорила министр. – Полагаю и надеюсь, что вы не с официальным визитом? Так что давайте покинем это учреждение – прибежище формализма и деловой скуки.

– С удовольствием, госпожа министр.

– Марта, господин Харт, Марта. Не будем портить прежние отношения дурными условностями.

– Тогда с вашего позволения Фрэнк, а не господин Харт.

– Согласна, – засмеялась она, подхватила меня под руку и под удивлёнными взглядами окружающих, потянула на улицу. – Тут поблизости есть укромное местечко, где можно спокойно поболтать. Да вы его, конечно, знаете.

Перешли улицу, свернули в переулок, дошли до параллельной улицы и оказались перед премиленьким кафе со столиками на тротуаре. Вывеска "Бай Ганю" со смешным толстяком в национальном костюме. Я заказал кофе и пирожные.

– Какими судьбами, Фрэнк? Научная конференция, о которой я не слышала? Нас мировое сообщество пока ещё не балует своим вниманием. Правда, с месяц назад был у нас социолог из Штатов. Интересовался, как

изменился в Лабарии уклад жизни. Въедливый специалист. Добрался даже до меня и устроил допрос с пристрастием. Вроде бы понял, что у нас происходит.

– Марк Гонсовский?

– Он самый, а вас, Франк, что привлекло, если не научное мероприятие?

– Любопытство.

Тут Марта, словно что-то вспомнив, внезапно посерьёзна, впившись мне в глаза пристальным взглядом, от которого ощутимо повеяло холодком. Установилась неловкая пауза, которую прервала моя собеседница.

– Кто вы сейчас, Фрэнк? Я всегда считала вас другом нашей страны. Вы и вели себя соответственно, и разговаривать с вами всегда было легко. Но всё-таки любопытство любопытству рознь.

– Что же изменилось?

– Очень многое, – вздохнула Марта и опять замолкла на минуту. – Фрэнк, я не буду ходить вокруг да около. После переворота нам досталось довольно обширное наследство от секретной службы. Там было и ваше досье. ЦРУ перекрасилось в ЦМУ и больше ничего в нём не изменилось. И вдруг вот вы со своим очарованием и обаянием в этом дурно пахнущем цветнике. Что возможно о вас думать? А? Единственное, что, как ни странно, вас извиняет – это указанные в досье область компетенции и служебных обязанностей – научная аналитика. То есть ни в шпионаже, ни в диверсиях и убийствах вы не были замешаны никогда.

Вот это удар! И крыть нечем. Оправдываться, ссылаться на обстоятельства? Будет выглядеть нелепо и неубедительно. Пожалуй, враньё тут самый худший выход. Нужно как-то достойно сдаться в плен раз накрыли со всеми потрохами.

– Мне нечего сказать, Марта. Вы припёрли меня к стене. Но уж поверьте мне на слово, что я врагом никогда не был и никогда не буду. Служба она везде служба и отождествлять меня с теми, кому приходится вынужденно служить, будет большой ошибкой.

– Хотелось бы верить, что вы прибыли не по службе, но вот обстоятельства вокруг Лабарии...

– Я не буду вас убеждать, что прибыл не по службе. Однако это не исключает личного интереса.

– Вот даже как? Впрочем, ваша принадлежность к ЦМУ уже не имеет никакого значения. Просто смущающее обстоятельство прошлого. У Лабарии теперь нет государственных секретов, и кто угодно может без всяких ограничений получить любую информацию о внешних и внутренних делах Лабарии. Нас беспокоит только одно. Любую информацию можно использовать во благо или во вред. В том числе общедоступную и казалось бы ничем не угрожающую. Во всяком случае, цели ваших работодателей совсем не благодетельны.

– Постойте, Марта, как это нет государственных секретов? Такого не может быть!

– Может. Сами подумайте, какие и зачем у нас могут быть секреты? Военной промышленности нет, армии нет, потребность в шпионаже умерла, скрывать лицам власти нечего и незачем. Личные пороки? Так это и секреты личные. Дипломатия? Вроде и здесь никаких тайн. Единственная закрытая служба – это небольшой отдел в полиции по проверке визитёров извне на вероятную опасность. Даже там не сочли Фрэнка Харта чем-то угрожающим, хотя ваше досье именно у них. Иначе вас не пропустили бы на границе. Впрочем, кому и чему служить ваше личное дело. Давайте будем считать, что всё это в прошлом. Расскажите-ка лучше о своём любопытстве.

– Мне, скажем так, предложили посетить Лабарию и сделать отчёт о том, что у вас происходит. Слишком туманные слухи исходят отсюда. А прямо перед отбытием я посетил конференцию, которую устроил побывавший у вас Марк Гонсовский. Было настолько интересно, что, преодолевая немыслимые опасности и смертельные преграды на дорогах Европы, меня понесло сюда вихрем жажды познания. Ведь в прошлый мой визит цель движения "Битва за честный труд" была ещё весьма туманной.

– Вот оно что, – рассмеялась Марта. – Вихрем через опасности, значит? И вы решили, что министр экономики самый подходящий источник информации?

– Конечно.

– Замечательно, я, пожалуй, побуду некоторое время таким источником, но при одном условии.

– Каком?

– Вы расскажете, что сейчас происходит в Штатах, и будем квиты. Нас тоже кое-что беспокоит.

– Что-то конкретное?

– Довольно конкретное и жизненно важное. Думаю, что если Гонсовский честно поделился тем, что здесь узнал, то у вас уже сложилось понимание, чем чреват для других стран избранный Лабарией путь, как пример для подражания.

– Очень даже ясно понимаю не только по Гонсовскому. Случайно встретил тут на главной площади бывшего парламентария Анжея Иванова. Беседа получилась краткая, но очень познавательная. Количество вопросов к вам, Марта, значительно уменьшилось.

– Иванов? Замечательный и мудрый старикан. Я его хорошо знаю уже давно и часто с ним советуюсь. А что касается проблемы, то она пока что кроется в европейской прессе. Информация из Лабарии там искажается, но этого мало. Стали появляться статьи, призывающие к осторожности с нами, недоверию. А на днях в лондонской "Дейли телеграф" и французской "Монд" опубликовали откровенно враждебные инсинуации. Учитывая то, что пресса Европы всегда управлялась из Штатов, то есть повод задуматься, зачем это всё делается.

Марта замолкла, машинально помешивая ложечкой уже остывший кофе.

– Вот этого не знал. Давайте закажем свежий кофе, а пока мы им наслаждаемся, я пошевелю извилинами.

Так и сделали. Минут десять прихлёбывали напиток и покусывали пирожные. Повторили кофе.

– Великолепные пирожные!
– И это всё, что вы надумали, Фрэнк?
– Не совсем. Я полагаю, что вы не без оснований опасаетесь интервенции в Лабарию. Коммунистическая идея тому свидетель.

– Была уверена, что вы догадаетесь. Тем более что теоретическая идея коммунизма стоит на той же базе произвола, что и капитализм. Лишь надстройка другая. А вот в нашей системе произвол не живёт и это для капитала намного опаснее коммунизма. Вы знаете, Фрэнк, а ведь то, что мы пытаемся построить как раз и будет почти коммунизм. И здесь, и там целью выбрано достижение справедливости. Просто мы отказались от идеологических абстракций, иллюзий и вывертов, и поставили цель на фундамент из фактов и практики.

– Вы знаете, Марта, для меня так и остался неясным один вопрос. Это прореха в вашей теории честного труда. Она строится на том, что вред, нанесённый гражданам органами власти, вызывает массовую реакцию обращений людей в суд. От этого снижается жалование служащих власти и степень его падения говорит о качестве труда. И что из того? Да упади оно хоть до нуля, а доход от коррупции всё равно многократно превысит потерю жалования.

– А-а, вот вы о чём Фрэнк. Так на то и есть закон. Если плата от населения падает хотя бы на четверть, то виновный орган распускается, набирается новый состав, а акты, приведшие к такому положению, отменяются. Мы не боремся с произволом изобличением и наказанием отдельных лиц. Мы просто создали условия, когда платить взятки нет смысла. Понимаете? Вот, например, у меня неплохое жалование, но если я начну шалить, то заработная плата упадёт у всех в министерстве. Меня выдадут собственные сотрудники, и я вылечу с места задолго до того, как сложится критическая ситуация. Нетрудно понять, что те, ради кого я пошла на должностное преступление, остаются ни с чем.

– Начинаю понимать, – пробормотал я. – Вот это ход! Тогда ситуация для Лабарии и в самом деле складывается очень опасная.

– Вот именно. От интервенции мы защититься не в состоянии. Правительство и парламент в растерянности. А ведь только-только жизнь начала налаживаться. Даже на экспорт стало что предложить.

– А что вы можете экспортировать?

– То, что раньше производили в изобилии. Фрукты, овощи и самые разнообразные консервы из них. У нас это вдвое дешевле, чем в остальной Европе. Розовое масло опять-таки, натуральную парфюмерию. У нас всё-таки аграрная страна. Уже и с чехами вроде бы договорились о поставках некоторых станков и машин и тут вот такой подарок ожидается. Нас в неделю сметут с лица Земли со всеми нашими человеколюбивыми проектами.

– Мрачная картина ничего не скажешь, но, как мне видится, не такая уж безнадежная. Лазейку всегда можно найти и вы рано или поздно её найдёте. Только вот не оказалось бы слишком поздно.

– Мне кажется, Фрэнк, что вы уже представляете себе эту лазейку вполне отчётливо, – с наигранной подозрительностью отметила Марта. – Я вся в нетерпении узнать, в чём она заключается.

– Ничего у вас не выйдет, Марта. С моей стороны это было бы предательством, если и не Штатов, то уж, во всяком случае, интересов тех, кто ими правит. Такие мысли дорогого стоят.

– Двойной кофе? За такую цену я смогу вас завербовать?

– Издеваетесь?

– А если ещё и ужин за мой счёт прямо сейчас?

– Уже лучше.

– И позволю проводить себя до дома.

– Вот с этого и нужно было начинать! А то какой-то кофе с мясом. Смешно даже подумать. Слушайте внимательно. Вам нужно поднять все, какие только есть связи в Штатах. Консульства, гуманитарные и научные организации, эмигрантов, журналистов любого пошиба из любых СМИ. Как можно скорее разверните туризм из Штатов в Лабарию, рекламу благоденствия в Лабарии. В общем, делайте всё, что только доступно, включая тихий подкуп. Цель одна. Общество в Штатах как можно шире должно быть осведомлено о Лабарии и том, что у вас происходит. Но при этом никакой пропаганды. Делайте это как можно тоньше, быстрее, напористо и я даже сказал бы нахально. Запретить этого никто не может, но когда наши верха сообразят, что к чему, то постараются воспрепятствовать. Вам нужно их опередить и тем обесмыслить противодействие. Наибольший эффект даст распространение информации сразу везде. Сработает и цепная реакция, а источник определить и перекрыть будет уже очень сложно.

– Довольно странные рекомендации даёте, Фрэнк. Каким это образом? Впрочем..., – и Марта надолго замерла, погрузившись в размышления.

По лицу и застывшему взгляду Марты видно, что в её голове идёт какая-то непростая работа. Заказал ещё кофе и когда его поднесли, то Марта словно вышла из транса.

– Фрэнк, у вас в роду иезуитов не было? Такой простой и убийственный фокус придумать не каждому дано. Вы хоть сами-то представляете последствия?

– Конечно. Вы совершенно легально и гармонично разведёте огонь гражданского интереса и возмущения прямо под задницами правительства и сената. Им будет уже совершенно наплевать на какую-то там Лабарию, когда дома возникнет угроза аттракциона, если и не с фонарными столбами, то уж, во всяком случае, с чем-то аналогичным по результату. Население в Штатах очень трепетно относится к уплате налогов и когда поймёт механику их разворовывания, то, вы уже сами догадались, что начнёт происходить.

– А ведь вы жулик и провокатор, Фрэнк, – засмеялась Марта. – Убить сразу двух зайцев чужими руками. Признайтесь, что вам ближе вовсе не спасение Лабарии, а преобразования в Штатах под давлением населения.

– Не только не признаюсь, но я ничего вам и не говорил.

– Поняла. Вашего имени упоминать не буду. Проводы меня домой откладываются до лучших времён. Мне нужно вернуться обратно. Похоже, что с вашей лёгкой руки у нас всё же появится государственная тайна. Вы, Фрэнк, надолго задержитесь в Тафии?

– До утра. Мне ещё требуется посетить Москву.

– Тогда желаю вам счастливого пути. Возьмите мою визитку на всякий случай. Там прямой телефон ко мне.

– А я вам пожелаю удачи, Марта.

Из Лабарии в Россию я перебрался на русском пароме. На нём оказались несколько больших фургонов с российскими номерами. Вот это странное событие. Лабария-то открыла свою границу с Россией для товаров, а Россия, как я слышал, ещё нет. Загадку разрешила случайная беседа с одним из матросов.

– Вы же, господин Харт, наверное, знаете, через какое место у нас всё делается. Особенно в правительстве. Эти идиоты запретили перевозить товары через границу с Лабарией, но не рискнули запретить перевоз личного имущества, чтобы не злить своих граждан, имеющих родственные связи в Лабарии. Ведь таких очень много. Так что перевозками занимаются водители-одиночки, у которых фуры в личной собственности. В таможене они предъявляют оплаченные ими товарные чеки на груз и на границе не могут воспрепятствовать возить туда-сюда своё имущество. В товарном запрете не указаны пределы веса и характер грузов, которые можно считать личным имуществом.

– Остроумно. И что возят?

– В основном дешёвые овощные и фруктовые консервы. Правда, чтобы закупать товары нужно возить с собой крупные суммы денег, но многие обходятся и без них.

– Как это?

– Меняют партии российских товаров на партии лабарийских и всё в порядке. Имеют неплохой доход за счёт разницы цен.

Опять длинный путь по автомобильным дорогам через разрушенную и с трудом оживающую страну. И здесь тоже караваны, как способ без потерь добраться до места назначения. Затесался в один из них. Попутчики с сомнением покосились на мои американские номера, но услышав чистую русскую речь, вполне доброжелательно приняли в свою компанию. На ближайшей остановке на обед оказался в придорожном кафе за одни столиком с двумя водителями. Русские – народ общительный и любознательный. Познакомились.

– А чем вы занимаетесь, господин Харт, в своей Америке? – спросил один из них.

– Читаю лекции по языковедению в университете.

– Стало быть, учёный человек. Можете объяснить, почему у нас в России во власти сплошь ловкачи и прохвосты? Житья никакого от них не стало. Хотя в последний год они что-то поутихли со своими счастливыми подарками народу.

– Это не только в России, – рассмеялся я. – Так происходит везде, а виной тому подложные законы о государственной службе. Они открывают путь произволу и безнаказанности. У нас в Штатах то же самое. Так что не верьте в свою исключительность.

– Наверное, вы правы. Законы у нас мутные. Не зря говорят...

– Закон что дышло, как повернул, так и вышло, – перебил я его, и водители от души расхохотались.

В общем-то, в дороге всё более или менее спокойно. Но вот угоны гружёных машин с ночных стоянок просто какой-то бич для грузоперевозчиков. Где-то под городом с названием Воронеж водители ночью поймали двух злоумышленников. Никто и не подумал вызывать полицию. Кричали те истошно, когда их колотили монтировками. Утром колонна продолжила путь, а на площадке так и остались лежать два окровавленных трупа.

В Москве до войны я был не раз. Каких-либо существенных различий с сегодняшней не увидел. Разве что людей и машин на улицах заметно меньше. Остановился на Садовом кольце. Хотя и не бывшие толпы снуют по тротуарам, но всё равно оживлённо. Только все озабочены и куда-то спешат. Зашёл в ресторан и скудно пообедал. Зал почти пуст. В дальнем углу какая-то развесёлая компания то ли что-то празднует, то ли кого-то провожает.

Позвонил в посольство и мой школьный приятель, а теперь военный атташе Питер Рейн встретил меня у входа. Обнялись и прошли в его кабинет.

– Меня из ЦМУ предупредили, что ты можешь появиться в Москве, Фрэнк. Какие-то супер срочные дела? Ведь в Москве все научные контакты близкие твоей легенде заглохли на неопределённый срок.

– Не знаю, трудно сказать, зачем на самом деле меня отправили в вояж по Европе. Информацию с мест в ЦМУ и так достаточно исправно получают. Думаю, им хочется почитать или выслушать сводный обзор о настроениях в разных странах в связи с событиями в Лабарии.

– В Лабарии? У нашего посла эта Лабария уже вот где, – и Питер провёл ребром ладони по шее. – Ему и носа нельзя высунуть куда-нибудь, чтобы не услышать вопроса об отношении Штатов к этой стране.

– И давно это началось?

– Да уже год или два, наверное. Понимаешь тут, какая штука. Лабария и Россия славянские страны и связи между ними древние. Много лабаров живёт в России и немало русских в Лабарии. Всё это давно выросло в сеть дружеских и семейных связей, которые не прервались с закрытием границы для товарообмена между Лабарией и Россией. Невозможно запретить родственникам ездить друг к другу или общаться на расстоянии посредством почты и информационных сетей. Поэтому лабарийская политическая зараза совершенно беспрепятственно перетекла в Россию, и пошла гулять по её просторам и умам. Надо признать, что для черни – это очень простая и завлекательная вещь, сулящая избавление сразу от множества, казалось бы, сейчас нерешаемых проблем.

– Это верно. Сулит лабарийская затея много. Идея социализма-коммунизма тоже когда-то многое сулила и что вышло?

– Так-то оно так, да не совсем так. Тут гораздо хуже. Лабарийская идея не обещает туманного светлого будущего неизвестно когда и за чей счёт. Она требует изменения прямо сейчас лишь некоторых конкретных законов, которые и в самом деле при ближайшем рассмотрении довольно дурно пахнут. А для этого не нужно никаких бунтов и революций, а лишь воля законодателей к нормализации действующих законов. Закон срабатывает мгновенно, а не в необозримом будущем. Из этого следует, что именно законодатели спровоцируют бунт, если будут саботировать приведение правил в порядок. Идиотская ситуация, когда по существу требований толпы возразить нечего. Я в полной растерянности наблюдаю за происходящим, а на мои отчёты в Штатах смотрят как на записки сумасшедшего.

– Не ты один в растерянности, Питер. Так что тут происходит? По пути мне не удалось ничего узнать. Водители в караване хотя и разговорчивые, но мало осведомлённые. Бесполезно было приставать к ним с расспросами.

– Началось всё безобидными пикетами у здания российского парламента и консульства Лабарии в поддержку новой власти в этой премилой, южной стране. Продолжилось, как ни странно, и вроде бы совершенно несвязанно возмущением населения от бездействия полиции по защите граждан от уголовников. Это бездействие было и до Войны, и во время её, и обычным порядком продолжилось после. Обычным же порядком это возмущение было и проигнорировано. Но не тут-то было. Демобилизованные после войны через общества ветеранов заявили, что тогда будут защищать себя сами. Ну и началось. В Москве не проходило дня, чтобы утром на улицах не собирали жатву в несколько десятков застреленных грабителей и воров с переломанными руками и ногами. За год собрали только трупов около четырёх тысяч. Свидетелей не находили или они просто отмалчивались. Следователей и дознавателей не пускали в дома и квартиры. Если те были слишком настойчивы, то без церемоний выпихивали за дверь или совали под нос дуло пистолета или чего покруче.

– Довели, значит. Но таким образом проблему преступности можно приглушить на время, но не разрешить. Когда нет работы для всех, неизбежно кто-то пойдёт воровать и грабить ради того, чтобы прокормить себя и детей. А жестокость по любым мотивам не породит ничего, кроме жестокости.

– Вот именно. Однако парламент срочно издал закон о сдаче оружия, который при реализации с треском провалился. Представь себе, что во двор дома входит группа полиции для изъятия оружия у установленных лиц. А во дворе стоит нацеленный в их сторону пулемёт, который даёт предупредительную очередь чуть ли не по ногам. И так примерно везде. Бандитская и воровская преступность в Москве пока что сошла почти на нет. Как тут ветераны войны организовались до сих пор тайна, и это пугает власти. Хотя именно власть сама это явление и вызвала. Оружия-то после боёв на руках оказалось неведомое

количество и ветераны показали, что вполне организованно могут пустить его в ход и не на войне. И предъявить им нечего. За руку-то никто не пойман.

– Взрывоопасная ситуация.

– Дальше группа идиотов из парламента от великого ума заклеяла по телевиду политический режим в Лабарии преступным. Заявили, что представили в парламент законопроект о запрете пролабарийской пропаганды.

– Да ты что! И, в самом деле, либо полные кретины, либо самоубийцы.

– Вот-вот, в ответ на улицах появились плакаты с напоминанием об оружии на руках и с большими снимками фонарей двухлетней давности перед парламентом Лабарии. Полиция даже поостереглась их срывать на виду у граждан. Среди депутатов и правительства начался панический визг о подготовке переворота неизвестно кем и принятии упреждающих войсковых мер и введении военного положения. Но вдруг всё стихло, как по волшебству. Выяснилось, что армия совсем не горит желанием столкнуться с теми, с кем бок о бок воевали. Ты просто не поверишь, что за всем этим последовало в последние полгода.

– А вдруг поверю?

– Не лови меня на слове, Фрэнк. Давай лучше выпьем за встречу.

Питер нажал кнопку на столе и попросил вошедшую секретаршу соорудить нам лёгкую закуску. Что и было исполнено почти мгновенно. В шкафу нашлась бутылка водки и стаканы. Чокнулись, выпили и не спеша закусили.

– Продолжай, Питер.

– Так вот, возникла непонятная тишина в верхах. Парламент не принимает никаких законов, а правительство молчит о государственных проектах. Среди депутатов внезапно начали распространяться разные серьёзные заболевания, требующие обязательного лечения за границей. Уезжают на лечение, но почему-то в популярных медицинских центрах и учреждениях мало кто появляется. Я поинтересовался, куда отбывают местные законодатели. Аргентина, Новая Гвинея, Новая Зеландия, Эквадор, Полинезия и всё такое прочее. В Швейцарию стремятся немногие. Большинство старается убраться куда-нибудь подальше. На сегодняшний день парламент не может принять ни одного закона – нет кворума.

– А правительство?

– Тоже разбегается туда же, но не в таких катастрофических масштабах. Оставшиеся сидят и ждут неизвестно чего. Я не знаю, по этой ли причине, но в стране стало как-то спокойнее среди населения. О свежих коррупционных скандалах не слышно. Крупные аферы сошли на нет, а олигархи исчезли с экранов телевидов и куда-то испарились. Принадлежащие им промышленные предприятия остались без главного руководства, но работают бесперебойно.

– Вот это-то как раз понятно. Основной персонал никуда не делся, и будет поддерживать жизнеспособность предприятий, чтобы не утратить свою личную.

– Наверное, ты прав. В общем и целом Россия сейчас – это пороховая бочка, и неизвестно кто и по какой причине подпалит фитиль. Никаких новых движений за власть не видно и не слышно. А известная оппозиция зажалась и смолкла. Словно и они не знают, что за сила зреет в полной неизвестности, но

опасаются, что достанется по шее и им тоже. Знаешь, такое впечатление, что какая бы группа, вплоть до общества инвалидов, ни объявила бы сейчас о том, что она и есть новое правительство, ей моментально и без возражений передадут все дела. Вот такая картина сложилась на данный момент, а наши Госдеп и ЦМУ в неё никак поверить не могут. Как думаешь, Фрэнк, может, и мне сбежать домой от греха подальше.

– А что, боишься погромов? Вряд ли они в Москве будут. По твоему же рассказу ясно, что власть парализована боязнью резких движений и никакого вооружённого противостояния не будет. Соответственно, и погромов посольств тоже. Ветераны взяли преступный мир за горло. У меня складывается впечатление, что сейчас Москва – это самое спокойное и безопасное место в Европе. Но только не для деятелей умирающей от страха власти. Пожалуй, я отдохну здесь хотя бы недельку-другую, понаблюдаю за обстановкой. Приютишь меня?

– Без вопросов!

– Интересно было бы побеседовать с активистами общества ветеранов. Можешь это устроить? Велика вероятность, что новое правительство будет из них.

– Не могу. Считаю, что нам лучше держаться подальше от всего этого.

– С тобой-то понятно. Ты же государственный служащий и дипломат. Тебе лезть сюда нельзя, но подсказать-то что-нибудь можешь.

Питер задумался.

– Хочешь с огнём поиграть, Фрэнк? Ты как всегда в своём репертуаре. Общество ветеранов – это лишь слова и никакого видимого органа управления у них нет. А что представляет собой их нелегальный штаб, я и понятия не имею. Попробуй ночью на улице кого-нибудь ограбить и как раз попадёшь к ним в лапы.

И Питер от души расхохотался своей шутке.

Питер живёт не в посольстве, а снимает приличную квартиру неподалёку. Комната для гостей есть, и я устроился с вполне домашним комфортом. Насколько это возможно у холостяка. Вообще-то в словах Питера о ночном грабеже есть некоторый смысл. Грабить никого даже в шутку я, конечно, не буду, но зацепиться за что-то тут можно. Если ветераны присматривают за ночной ситуацией, то у них в городе, как только стемнеет должна быть раскинута густая сеть постов наблюдения и быстрого реагирования. А сеть есть сеть и невидимой её не сделаешь.

– Питер, у тебя дома карта Москвы есть? – спросил я приятеля, блаженствующего в кресле перед телевизором с каким-то дурацким эротическим шоу.

– Только бумажная.

– А я на другую и не рассчитываю. Спутники взамен сбитых, наверное, ещё не скоро запустят.

Разложил карту на столе. Так, какие тут поблизости улично-транспортные узлы? Вот здесь подходящий, здесь тоже и тут удобный. С дюжину наберётся. И

район приличный перекрывают. Нужно посмотреть на месте. Сейчас ещё только начало темнеть и там, конечно, никого нет, но предварительно уточнить возможную расстановку будет полезно. Отметил карандашом нужные точки и свернул карту.

– Питер, я пойду, проветрюсь.

– Так и знал, что тебя куда-то понесёт. Я с тобой не попрусь. Грабить пойдёшь, как я посоветовал?

– Что-то вроде этого.

– Двери все в машине запри и не открывай, если не собираешься сам выходить. Хотя вообще-то ситуация спокойная, но всё же не идеальная. Что-то задумал?

– Так, пустяки. Беспокоиться не о чем.

– Ключи от дверей возьми, чтобы меня не будить.

На улицах ещё сравнительно оживлённо, но просто прогуливающихся как раньше пар почти не видно. Вот первый из помеченных перекрёстков. Удобный для наблюдения пункт на той стороне в переднем ряду машин на стоянке. Так, а на этом во все четыре стороны будет хороший просмотр с любого угла, но нужно будет немного въехать на пешеходный переход. А вот здесь просто идеальное место. Закруглённый фасад здания и если устроиться у него, то обзор просто замечательный. Объехав все точки, убедился, что везде можно найти место для наблюдения. Отлично, теперь нужно ждать ночи. Можно и вздремнуть.

Протираю глаза. Кругом темь, которую едва рассеивают горящие вполне накала фонари. Разогреваю кружечку кофе и с блаженством медленно пью божественный напиток. Пора. Почти на всех перекрёстках, которые я начал объезжать, в точках, принятых за перспективные стоят машины. Есть ли кто в них не видно. Проехал мимо одной из них почти вплотную. Есть! Смутные тени, жестикулируя, похоже, разговаривают друг с другом. Нужно проверить все точки, чтобы убедиться, что расстановка не случайна. Не хочу нарваться не на того, кого нужно.

Почти всё уже объехал. Небольшой внутриквартальный перекрёсток, но светофор почему-то работает. Останавливаюсь на красный. Тут же с двух сторон из темноты у домов к машине метнулись какие-то тени и начали ломиться в двери. В стекло справа, судя по звуку, саданули какой-то железякой. Спокойно жду зелёного сигнала, и без спешки трогаюсь с места. Сзади через наружный микрофон доносятся ругань и проклятья. Сворачиваю налево и сразу направо к ближайшей намеченной точке. Перекрёсток. Светофор мигает жёлтым цветом. На той стороне по диагонали на самом повороте стоит машина. Пересекаю перекрёсток, выезжаю на встречу и останавливаюсь почти вплотную к дверце водителя. Опускаю стекло и стучу к ним. Там тоже опускается стекло.

– Вам чего?

– Вы из общества ветеранов?

– Из него.

– Нужно поговорить.

Небольшая пауза.

– У нас или у вас?

– Лучше у меня. Нужно кое-что показать.

Из той машины выбирается фигура, обходит мою, и устраивается на сидение рядом.

– У вас что-то случилось?

– Неподалёку на перекрёстке на меня было совершено нападение.

– Светофор работал?

– Да.

– Где это произошло?

Зажигаю малый свет и показываю на карте.

– Не наш участок. Сейчас...

На свет появляется телефон.

– Павел? Ага. На углу Кривого и Александровского переулков совершено нападение на машину. Безрезультатное. Ваша епархия. Нет, работал. Ясно, что светофорная ловушка и работает бригада машинистов. Нет, больше ничего. Пока.

Телефон отправляется обратно в карман.

– Ими займутся. У вас всё?

– Нет, мне хотелось бы встретиться с кем-нибудь из ваших руководителей.

– Зачем?

– Научный интерес. Меня зовут...

– Не надо. Мне ваше имя ни к чему. Лучше скажите о характере вашего интереса.

– Я университетский языковед и социолог из Штатов.

– Понятно. Время неудачное и все спят.

Тем не менее, телефон появляется вновь. Ожидание.

– Петрович? Да, я. Извини, что в такое время. Тут у нас какой-то перец из Штатов нарисовался и ищет встречи с кем-нибудь из наших главарей. Нет, говорит, что учёный из университета. Без акцента. Нет, не похоже. Глаза вроде бы честные, а там одному Богу ведомо. Что? Где? Понял.

Телефон со вздохом отправляется в карман.

– Видите вон кафе на той стороне? Завтра в десять.

– А как я узнаю с кем говорить?

– Я познакомлю.

Человек выскользнул из машины. Щёлкнули запоры дверей, и я отъехал от них.

– Нашёл ночью, что искал? – поинтересовался Питер, завязывая перед зеркалом галстук.

– Вроде бы. На десять часов назначена беседа.

– Не выпавшись, хреновые беседы. Ладно, удачи!

В кафе пустынно, но я рановато пришёл. Попробовал здешние пирожки. Вполне приемлемо. Минут через десять пришёл мой ночной собеседник и уселся напротив. С интересом присматривается ко мне. Совсем молодой парень лет двадцати пяти-двадцати шести. На левой руке не хватает двух пальцев.

– Сейчас подойдут.

И, действительно, через некоторое время в кафе входят двое мужчин, оглядывают залчик и направляются к нам. Встаю и пожимаю им руки. Имён не называют. Я тоже.

– Я из районного отделения, – говорит блондин лет сорока.

– А я из городского, – вторит шатен лет пятидесяти со шрамом через правую щёку.

Садятся за стол, а вчерашний парень уходит. Оценивают меня взглядами. Вроде бы пока ничего внушающего опасения не обнаружили.

– Чай или кофе?

– Мне чай, – ответил старший.

– А мне кофе, – пожелал его коллега.

– Я, пожалуй, тоже чай. Он всё же натуральный.

Подозвал официантку и сделал заказ, добавив к напиткам пирожки. Всё было доставлено мгновенно.

– Я всё же представляюсь, господа, чтобы вы могли навести обо мне справки. Фрэнк Харт лингвист и социолог из Вашингтонского университета.

– И чем же, господин Харт, вызван ваш интерес к нам?

– Газетным враньём, из которого не выудить правды о том, что происходит. А мне интересны сведения из первых рук. По отзывам и факту вам удалось обуздать уличную преступность в Москве. Опыт бесценный. Что вы для этого сделали?

Более молодой поморщился от такого вопроса, но ответил.

– Что сделали? Поступились своими принципами.

– Как так? Что может быть благороднее охраны незащищённых?

– Это только внешне так кажется, а если говорить откровенно, на что вы, вероятно рассчитываете, то, на самом деле, картина благородством и не пахнет. Вынужденность и притом очень тягостная и грязная.

– Вы это серьёзно?

– Более чем. Бездеятельность правительства поставила нас перед гнусным выбором. Ведь поймать преступника – это ещё полдела. Его нужно ещё довести до суда, а мы этого сделать не можем. Нужен формальный арест, следствие и дача показаний в суде. Иначе безнаказанность выльется в рецидив и рост преступности. Наша же организация нелегальна и объявлена антигосударственной. Арестовать мы никого не можем и выступить в суде, не раскрыв себя, тоже. Вот и на выбор либо противозаконная и аморальная ликвидация преступника прямо на месте, либо нарастающие страдания массы нормальных людей. Мы выбрали из двух зол меньшее, а там уж Бог нас рассудит. Такова механика последствий инертности власти. Гора совсем необязательных трупов в мирное время.

– Ничего себе! Такое мне и в голову не приходило. Сочувствую.

Все это время старший копался в своём телефоне. Наверное, пытается отыскать что-нибудь о Фрэнке Харте, подумал я. Интересно, что он нарочито без

спутниковой связи. Вроде бы что-то нашёл. Вздохнул, сунул телефон в карман и вступил в разговор.

– Но это, наверное, не всё, что вас интересует, мистер Харт. Время у нас есть и можем поговорить.

– Не всё. Ходят упорные разговоры, что ваша организация единственная, которая может перехватить власть в стране. И это несмотря на вашу нелегальность. Как вы это оцениваете?

– Пожалуй, слухи не беспочвенны и перехватить власть мы могли бы, но вот по поводу дальнейшего мы в растерянности. Что строить? Существующие идеологии давно себя дискредитировали, а вразумительных и убедительных новых нет. Вот в Лабарии ставят какой-то интересный эксперимент. Мы следим за ним и поддерживаем морально. Очень интересный ход, но никак не можем вычлени из тамошних событий их идеологию, чтобы примерить на Россию. Ждём и наблюдаем. Ситуация у нас перестала быть пиковой после того, как власть отпустила бразды правления. Всё как-то ещё работает по инерции, но локальные проблемы копятся и их решать некому. Нам нельзя очень-то тянуть.

– Понятно. Странно, что вы ищете в Лабарии какую-то идеологию. Вероятно, политическую. Так?

Мои собеседники дружно кивнули.

– Её там теперь нет. В Лабарии, наконец, поняли, что общество саморегулирующаяся система. Нужно лишь убрать из неё ошибки, и она будет работать автоматом без всяких подстёгивающих идеологий. И пример такой работы у вас прямо перед глазами – система труда. В ней нет никакой идеологии, а только правила. Тем не менее, она привела людей из пещер в небоскрёбы. В Лабарии эти же правила применили к политике, где их нет. Вот и всё.

– Хотите сказать, что мы ждём несуществующего и необязательного? – поразился мой старший собеседник, переглянувшись с коллегой. – Ничего себе! Вы это серьёзно?

– Ещё как серьёзно. А вот насчёт ожиданий, то не исключено, что от Лабарии вы не дождётесь ничего. Там пытаются на безукоризненных основаниях выпустить такого джинна из бутылки, который перевернёт всё мироустройство цивилизации. А это чревато интервенцией извне, чтобы этого джинна загнать обратно.

Мои собеседники сначала смолкли, обдумывая мои слова. Потом встали и отошли к окну. Долго о чём-то говорили между собой, время от времени поглядывая в мою сторону, а я тем временем с аппетитом поглощал пирожки. Наконец, вернулись.

– Вы, господин Харт, сказали такое, о чём мы и полагать не могли, – начал младший.

– Мой коллега высказался вполне точно, – прервал его старший. – Мы должны были внимательнее следить за событиями и обдумать ваши слова, сделаем выводы. Вы сказали очень необычную вещь и прямо сейчас нам обоснованно возразить нечего. Какие у вас ещё есть вопросы?

– В общем-то, у меня их и было всего два. На оба вы ответили. Я очень благодарен вам за беседу.

– А мне почему-то кажется, что вы лукавите, господин Харт, – улыбнувшись, заявил деятель из городской организации.

– Вот это оборот! С чего это вы взяли?

– Я посмотрел ваше имя в базе таможни. Вы пересекли границу с Лабарией неделю назад.

– И что из того?

– У меня возникло ощущение, что вы добились встречи с нами вовсе не для того, чтобы задать вопросы.

– А зачем?

– Чтобы донести до нас опасное положение, в котором оказалась Лабария. Я пожал плечами.

– Даже если и нет, то мы всё равно благодарны вам за информацию и примем её к сведению.

Мы вышли на улицу. Пара местных заговорщиков свернула за угол, а я уселся в своего голубого красавца и предался размышлениям о том, смогут ли они что-нибудь сделать, захотят ли делать, и будут ли делать. Не всегда это связано вместе. Ничего не надумал и поехал в посольство. Питер флиртует с секретаршей. Уединились в его кабинете, и выпили водки.

– Добыл что-нибудь, Фрэнк?

– Да так, кое-что стало понятнее. Пожалуй, я завтра двинусь дальше.

– А как же неделя-две отдыха?

– Не ожидал, что так быстро получу желаемое.

– Всё-таки что-то добыл? По дружбе-то хоть скажешь?

– Скажу, но только для твоих ушей.

– Могила!

– Ветераны готовы взять власть и это произойдёт в ближайший месяц, если не недели.

– Уверен?

– Процентом на восемьдесят-девяносто.

– И куда ты теперь?

– Сначала в Петербург, а затем Польша, Германия, Чехия, Лабария, Франция и домой. Во всяком случае, так планирую. Как дорога до Петербурга?

– Спокойная.

Чёрта два она оказалась спокойной. Перед станцией с чудным названием Окуловка, на шоссе, идущее параллельно насыпи железной дороги, прямо у меня на глазах свалился паровоз и перекрыл проезд. Самый настоящий старинный паровоз середины двадцатого века. Никогда не слышал, что стали опустошать музеи, чтобы чем-то компенсировать нестабильность контактной сети. Какие-то разговоры в Европе были о временном возврате к тепловозной тяге, но это заглохло из-за отсутствия для тепловозов топлива. И вот этот стотонный монстр лежит поперёк автотрассы и шипит испускаемым паром. Под ним раздавленный в хлам грузовик. Почти не повреждена кабина. Белый как мел водитель стоит

рядом. Дрова вывалились из тендера, а неподъёмные брёвна из опрокинувшихся вагонов создали умопомрачительный завал. Будь у меня чуть больше скорость, и я оказался бы аккурат под ним. Видимо, машинист не сбавил ход на повороте. Высоко гружёные вагоны завалились и потянули за собой паровоз.

– Как думаете, это надолго? – послышался чей-то голос у меня за плечом.

– Боюсь, что не на один день, – отвечаю, не оборачиваясь.

Завал не обогнуть. Справа болото, а слева высокая насыпь. Нужно срочно ехать назад, пока никто не сообразил, как можно выйти из положения. Километров через десять влево идёт грунтовая дорога. На карте её нет. Если сюда рванут грузовики, то кто-нибудь и застрянет, перекрыв объезд. После часа плутания и расспросов в деревнях, въехал в Окуловку и выбрался на шоссе.

Петербург до странности мало пострадал от войны. Флот перекрыл доступ в Финский залив, и город стал недосыгаем для вражеской палубной артиллерии и ракет море-море. Позвонил Ивану Покровскому и отправился к нему на Васильевский остров. Очень симпатичный и живой старичок лет восьмидесяти с копной седых волос.

– От Георга? Проходите, проходите, милости прошу.

Квартира большая, но запущенная. Пыль и никаких следов других людей. Хозяин перехватил мой недоумённый взгляд и вздохнул.

– Вот один живу, как отщепенец. Все уцелевшие близкие разлетелись кто куда. Да и мало их осталось.

Тряхнул головой, словно отделяясь от воспоминаний.

– Что это я? Вот сюда, пожалуйста, в кабинет, господин Харт.

Кабинет богатый и обстановкой, и книгами. Свидетельство более благополучных времён. Только широкая кушетка не вписывается в интерьер. Наверное, хозяин перетащил её откуда-то и здесь же спит.

– Как там Георг? Всё пишет о мировом капитале? На редкость мудрый молодой человек.

– Пишет и преподаёт. Передаёт вам привет, интересуется как вы сами и прислал гонорар за вашу статью, которую пристроил в какой-то журнал.

– Замечательно! Чаю хотите? Ай, что я спрашиваю! Господин Харт, постелите на стол вон ту салфетку, а я сейчас всё принесу.

Пока он отсутствовал, я сделал ревизию своего бумажника и выложил на стол две тысячи долларов. Хозяин притащил два старинных чайника – металлический и фарфоровый и прямо здесь начал над ними колдовать.

– Деньги очень кстати. Поблагодарите Георга от меня. Очень, очень кстати, – и смахнул их в стол. – Вот ваш чай.

Аромат необыкновенный и фарфоровая чашка изумительной красоты ему под стать. Отхлебнул и почувствовал себя словно в тёплой домашней обстановке вместе с добрым дедушкой.

– Господин Харт, а вы чем занимаетесь? Коллега Георга?

– Не совсем. Я лингвист, а Георг мой старый друг.

– Значит, тоже гуманитарий, как и я. Наши таланты сейчас, увы, не востребованы.

– Согласен. Приходится подрабатывать.

– И чем вы подрабатываете?

– Шпионажем.

Старикан поперхнулся чаем и от души захохотал.

– Надо же, как чудесно! Шпионажем. Обожаю людей с чувством юмора.

Передо мной великолепный пример наблюдения: если хочешь показать, что врёшь – скажи правду. Мой собеседник не сразу и отдышался.

– Господин Покровский, Георг говорит, что вы историк и очень хвалит как специалиста.

– Спасибо ему за то.

– Так это просто судьба свела нас. Меня мучает одна историческая загадка, которую я никак не могу разрешить.

– Весь к вашим услугам. В чём вопрос?

– Вы слышали что-нибудь о таком государстве, как Лабария?

– О, кто же из разумных людей, так или иначе, о ней не услышит! Там вознамерились установить естественный порядок вещей. Чудаки и идеалисты. Кто же им позволит! И с чем связана загадка?

– Вы упоминаете естественный порядок. А я вот не могу понять, в чём состоит первородная неестественность того, с чем мы живём уже тысячи лет? Чувствую и вижу, что всё в обществе не так, как хотелось бы и должно быть, а в чём дело определить не могу.

– Всё очень просто, молодой человек, – назидательно начал Покровский. – Нужно лишь внимательнее присмотреться к логике истории. Где она сомнительна – там и кроется важная и недопустимая ошибка.

– О какой ошибке вы говорите?

– Об ошибке перехода от племени к государству.

– Эва, какая даль-то. Тогда и общества-то ещё не было. Какие могут быть ошибки у того, чего нет?

– Тем не менее. Большое управление, большое и общество. Лингвисту простиительно этого не знать. Сейчас попытаюсь объяснить.

– Сделайте одолжение.

– Как вы себе представляете схему отношений в племени и управления им? Просто там было?

– Конечно. Внизу охотники и рыболовы, а наверху вождь и шаман. Нижние таскают верхним мясо и шкуры в награду за положение в племенной иерархии.

– С какой стати нижние что-то таскают верхним?

– А как же иначе? Таковы обычаи. Вождь на основе своей мудрости направляет, делит и судит, чтобы в племени был порядок и оно было жизнеспособным, а шаман убажывает богов, чтобы не сердились и хранит обычаи.

– Ну вот, вы всё прекрасно понимаете. А если вождь глупый или алчный? Что произойдёт?

– Детский вопрос. Жизнеспособность племени окажется под угрозой. Ему охотники и рыболовы дадут пинка под зад. Ведь он рядом и слабее добытчиков. Единственная сила вождя – мудрость.

– Опять верно. А что будет, если вождь-дурак на самом деле ещё и хитрец? Окружит себя бешеной охраной с копьями и станет недосыгаемым для пинков, но его аппетиты останутся прежними или возрастут?

– Тогда добытки начнут нищать, ибо возникнут потери от дурного управления, жадности вождя и кормления охраны.

– Вот именно! Вы задали вопрос о первородности бед. Попробуйте сами ответить на него, сравнив принцип племенного управления тысячи лет назад, с тем, как управляются государства сейчас.

Чёрт, хоть волосы на себе рви. Как здорово старикан утёр мне нос. Как ребёнку. Всё лежит на поверхности, а я как последний остолоп этого не увидел.

– У меня нет слов, профессор. Всё оказывается просто и понятно. Племенной принцип управления, каким был, таким и остался сейчас, но вожди для пинков стали недосыгаемы, а шкуры и мясо заменили деньги из налогов. Ответственности за свою работу во власти при переходе на новую ступень развития не возникло.

– Совершенно верно. Государство – образование трудовое, но при его формировании схема управления не стала тоже трудовой, основанной на критериях полезности, а осталась племенной – произвольной и безоценочной. В деньгах современных трудяг-добытчиков функция пинка вождям искусственно парализована, хотя эти деньги возможно как раз для пинков и использовать. Но только в отношении членов системы труда. Нынешние добытки и вожди находятся в несовместимых социальных измерениях. Думаю, что тут не обошлось без корысти древних вождей при образовании государств и установлении первых законов. Или их опасной глупости. Так и покатилося как узаконенный, но нелепый обычай. О тех временах мы можем строить лишь логические догадки. Я не слишком сложно завернул мысль?

– Нисколько, профессор. Правда, можно и короче. В трудовых отношениях, коими является всё, что мы делаем полезного обществу, не может существовать произвола и безнаказанности, а группу власти в своё время к ним не присоединили и это длится до сих пор.

– Лучше и не скажешь, – засмеялся мой собеседник. – Вот, что значит языковед!

Посидели ещё полчаса, болтая о пустяках, и я распрощался с премудрым старцем. Впереди маячит Польша, а по слухам о том, что там происходит, я вполне могу пожалеть, что со мной нет Люси с её пулемётом.

Границу Польши охраняют вооружённые автоматами фигуры, но расфуфыренные до нелепости. Разукрашенные мишурой мундиры и кривые сабли на боку выглядят крайне комично. Говорят на какой-то смеси польского и английского.

– Куда держит путь ясновельможный пан?

– Следую в Германию.

– Проще пане, проезжайте в новую Польшу.

Въехав в Польшу через Белоруссию, я к побережью не направился. И так ясно, что там увижу. А тут путь прямо в центр страны через городки, поля и сёла. Это самые интересные места любой страны. В них сохраняется самобытность нации. В Польше я бывал до войны и есть с чем сравнить. Поехал в сторону Радома и напоролся на самобытность, не проехав и двухсот километров. Дороги хороши, следов войны не видно. Погода великолепна. Благодать! Свернул на боковую грунтовку. Крестьяне работает в поле недалеко от дороги, и кое-какие старые машины ползают тут и там. Затормозил и вышел наружу.

Вдалеке видно село. Просто идиллическая картина. Со стороны села показались два всадника, скачущие прямо через поле к группе работников неподалёку от меня. От группы отрывается фигура и стремительно бросается в мою сторону. Стройная девушка в брюках. Стою и недоумеваю, что ей от меня могло понадобиться. Но она пролетает мимо и несётся к лесу. Не успеет! Всадники, не обращая на меня никакого внимания, настигают её, и один из них бросается на девушку сверху прямо из седла. Соскакивает и второй. Вместе волокут её в кусты на опушке леса. Подхожу к группе крестьян. Все молча смотрят в сторону леса.

– Что это было, панове?

– Мы теперь не панове, добрый господин, а были это слуги нашего пана. Уже почти всех девок в деревне перепортили, – ответил пожилой мужчина с вилами.

– И вы терпите?

– А попробуйте не терпеть! И тело ваше не всегда найдут. Теперь не то, что было до войны, – и, обернувшись к остальным. – Пошли работать!

Какой-то кошмар. Такой метаморфозы с населением в стране я и ожидать не мог. Правда, послевоенной Польшей я до нынешней шпионской командировки и не интересовался. Нужно ехать в Варшаву. Может, удастся что-то прояснить. Там у меня есть, кому задать вопросы.

Варшава оживлённа и как всегда весела. Машин на улицах меньше, но людей, как и раньше густо. Недостаток машин восполняют конные экипажи. Никакой подавленности и уныния отчасти характерного для Парижа. Впрочем, Польша всегда славилась легкомысленностью городского населения. Работают рестораны, казино и другие увеселения. На улицах видно много доступных девиц. Внешне не ощущается никаких последствий войны. Оно появилось, когда я вошёл в здание лингвистического общества. Тишина и запустение. Звук моих шагов по мраморному полу вестибюля сопровождается гулкими отголосками, отражающимися от стен. Однако признаков заброшенности нет. Чисто и, как и раньше ухоженно.

Поднимаюсь на второй этаж. Секретариат.

– Боже мой, кого я вижу! Сам Фрэнк Харт почтил нас визитом, – бросился ко мне с протянутой для пожатия рукой секретарь общества Ежи Полонский.

Никогда не унывающий, черноглазый мужчина лет сорока с пышными пшеничными усами. – Какими судьбами, друг мой?

– Да вот послал меня университет посмотреть, что делается в Европе и сообразить, не удастся ли восстановить где-нибудь связи.

– Со связями у нас кисло. Некому их устанавливать. Все озабочены тем, чтобы как-то прокормиться. Не до науки. Есть несколько энтузиастов, которые заходят сюда время от времени, но опять-таки не для занятия наукой, а чтобы помочь мне поддержать наш дом в порядке. Жалования не платят, и я существую лишь за счёт наследства, оставшегося от отца. А у тебя как?

– Да так, более или менее. Читаю лекции и как-то свожу концы с концами. Америка всё же пострадала меньше Европы. Внутренняя экономика почти цела.

В углу кабинета что-то зашумело.

– Чайник закипел. Сейчас мы с тобой побалуемся фальшивым кофейком. Интересная закономерность. Как война в Европе, так в первую очередь надолго пропадает натуральный кофе. Я проверял. У нас тут один аграрий ещё до войны начал эксперименты с выращиванием кофе здесь. Достиг каких-то успехов, но вкус неважный и очень дорого. Однако всё же лучше, чем этот эрзац. Теперь купается в золоте.

– Да, унылую картину с сотрудничеством ты нарисовал. Но уж что поделаешь, не от нас зависит. Вот что, Ежи, расскажи-ка мне о том, что происходит в стране. А то я проехал через провинцию и увидел какую-то странную картину падения в средневековье.

Мой собеседник помрачнел.

– Да, есть такое печальное явление.

– Почему?

– Ландскнехты¹.

– Что-что? Причём тут эти средневековые бродяги?

Ежи тяжело вздохнул.

– Никакая война не обходится без наёмников. Когда война кончилась, то они оказались не у дел при том, что силы правопорядка в провинции развалились. Куда наёмникам деваться, если ничего не умеют кроме убийств? Нужно сесть кому-то на шею. Вот и принялись эксплуатировать сельское население. Начали создавать свои панства, обкладывая данью население. Оружия у них полно, а жалости ни капли.

– А хотя бы остатки полиции и армии?

– Поздно спохватились. Наёмники захватили влияние в воеводствах и, похоже, даже в сейме. На местах они изолировались и не допускают из своих панств никаких жалоб, а без них нет причин для полицейских и армейских операций. Все знают об этом, а доказательства произвола не всплывают. Чем это кончится неизвестно. Я бы назвал эту ситуацию дурацкой, если бы она не была такой страшной. Границы есть, а единой страны, считай, нет.

– Ну и дела. Такое и во сне не приснится. У меня есть к тебе ещё один вопрос.

¹ Ландскнехт – немецкий наёмный пехотинец эпохи Возрождения.

– Давай.

– Что у вас слышно и что говорят о Лабарии?

– Ничего не говорят. Я понимаю, о чём ты – о странной форме правления. Само по себе интересно, но пригодность ещё не доказана. В газетах сначала писали о каком-то социальном прогрессе, но уже год пишут совсем противоположное. Значит, врут. Никому это не интересно. Слушай, ты где остановился?

– Ещё нигде.

– Тогда давай ко мне. Наговоримся досыта. Я повожу тебя по значным местам. Есть очень любопытные. Денег у меня не густо, но потратим и то, что у тебя выделено на отель.

Три дня спустя, я пересёк границу Германии. Но перед этим насмотрелся на польские развалины на сотню километров глубину вдоль немецкой границы. Так что уже был готов к тому, что увижу. Вот уж где живого места почти нет. Но люди энергично строятся, вспахивают поля, восстанавливают предприятия. Медленно из-за отсутствия техники и материалов, но старательно и неуклонно. Здесь никаких ландскнехтов не потерпят, хотя это явление и немецкого происхождения.

Берлин – это умопомрачительная по масштабам гряда закопчённых развалин. Холмы битого кирпича, бетона и лишь кое-где торчат редкие обломки стоящих стен. Нигде ни души. Никакой расчистки. Никакого восстановления. Жители отсюда ушли. Чистое и оживлённое шоссе вливается между мёртвых холмов и пересекает город с востока на запад. Решил посмотреть разрушения ближе и свернул в какой-то широкий проезд вроде бывшего проспекта. Посредине обломки зданий его не завалили. Кое-где между кирпичных холмов заржавевшие скелеты машин. Несколько уцелевших деревьев. Поперёк ещё бывший проспект. Сворачиваю в него. Проспект уходит далеко и упирается в круглую площадь. Фридрихштрассе? Похоже на то. Остановился перед площадью и вышел из машины. Кругом гнетущее безмолвие кладбища. Даже вездесущих птиц и тех в небе не видно.

Однако напрасно я сюда припёрся. Уже жалею. Чуть впереди и левее остов сгоревшего легкового автомобиля. Что-то в нём странное. Не сразу сообразил, что именно. Да, ведь на ней копоть от огня не смыта временем и ржавчины нет. Нужно побыстрее уносить отсюда ноги. Не показывая паники, не спеша возвращаюсь к своей машине. Только сел за руль, как из развалин справа по машине полоснула пулемётная очередь. Пули пробарабанили по борту. Слава Богу, не по колёсам. Машина рванулась вперёд, и тут же я бросил её вправо – под защиту кирпичного холма, чтобы уйти от стрельбы вслед. Вот же идиот! Сам себя загнал в ловушку. Впереди завалы, а позади пулемёт. Надо было сматываться задним ходом. Стрелявшие охотники наверняка понимают, что машине деваться некуда и сейчас пойдут меня искать. Нужно их опередить.

Вылетаю из машины и, выхватив пистолет, несусь по развалинам к тылу того места, откуда в меня пальнули. Натоптанная тропинка ведёт к какому-то провалу среди кирпичных груд. Вход в подвал? Нужно поосторожнее. Но это я уже поздно сообразил. Я открыт, а снизу уже поднимается фигура обвешанная оружием до зубов. Меня спасло только то, что охотник замешкался, столкнувшись с добычей чуть ли не нос к носу. Не ожидал этого. Пуля вошла ему в середину лба.

Внизу какое-то неясное шевеление. Падаю и перекатываюсь вбок от провала. Острые углы кирпичных обломков больно впиваются в тело. А снизу несётся истошный, злобный и протяжный крик: "А-а-а!" и роем летят пули, рикошета во все стороны и выбивая красную пыль из кирпичей. Трёхсекундная пауза. Слышен лязг сменяемого магазина и опять визг разлетающихся пуль. Пауза. На второй секунде вскакиваю и дважды стреляю вниз – во тьму провала. Шум падающего тела и тишина.

Подползаю к краю провала и осторожно заглядываю вниз. Первый лежит так, что можно дотянуться рукой. Второй в дверном проёме. Шевельнулся и застонал. Посылаю две пули, и он затих. Все ли это? Рисковать не хочу. Протягиваю левую руку и пытаюсь лёжа хоть немного подтянуть тело первого вверх. Из правой не выпускаю пистолет. Подаётся тяжело, но ползёт понемногу по ступенькам. Теперь могу дотянуться до ремня и отцепляю от него пару гранат. Бросаю в глубину проёма одну за другой. Слышно как они стукнулись об пол и покатались. Быстро переворачиваюсь на спину. Внизу дважды ухнуло. Тишина.

Встаю и осматриваю убитых. Чувствуется, что это ещё довольно молодые люди в грязной и порванной местами форме. Знаков принадлежности нет. Лица заросли волосами до безобразия. Не истощены. Воют с кем-то, когда война уже давно кончилась? Много она принесла напроць свихнувшихся и они не первые надолго застрявшие в прошедшей бойне. Не убивать бы их, а лечить. В подвале полумрак. Атмосфера смрадная. Свет падает из амбразуры, в которой стоит ручной пулемёт. Заглядываю. Улица как на ладони. Влево и вправо проходы дальше.

Заглядываю в левый – тьма непроглядная и из неё несёт уборной. Заглядываю в правый. Окно подвала снаружи частично очищено от кирпичей и слабый свет есть. У длинной стены штабель ящиков. Один из верхних открыт и в нём консервные банки. Дата выпуска прошлый год. Мясные. Где они их столько взяли? Ходили на промысел? А как сюда притащили? Стол, миски, ложки, настольная бензиновая печь, ведро с водой, две разные кровати, бензиновый фонарь. В глубине на паре ящиков лежит вместительный вроде бы алюминиевый контейнер. Кодовый замок. Пробую приподнять за ручки. Силёнок маловато. Могу только пошевелить туда-сюда. Притаскиваю автомат и очередь вышибаю замок.

Контейнер до половины заполнен золотыми вещами и монетами. Вещи с камнями и без них. Монет разных стран много, но не старинные. Эти ребята занимались мародёрством или им поручили охранять сокровища? Забрать? Так

ведь не моё. Хотя, с другой стороны, теперь просто клад. Описи-то содержимого внутри нет. Но хлопот с ним не оберёшься, если унести. Выбираю три разные монетки на память и кладу в карман. Набираю консервов, сколько в руки поместилось и ухожу.

Развалины Берлина остались позади. Моя красotka бойко бежит вперёд. Через несколько километров встречается большой дорожный щит с надписью "БЕРЛИН". Немцы как всегда рационалисты и быстро сообразили, что новую столицу выстроить проще и дешевле, чем восстановить старую. Когда-нибудь что-то исторически ценное из руин и поднимут для музейного интереса, но не сейчас. Шоссе вливается в широкую, засаженную деревьями аллею. Трёх- и четырёхэтажные дома окраины впереди становятся выше и выше. В архитектуре стилизация под старый Берлин. На въезде будка справок.

– Адрес лингвистического общества, пожалуйста.

Премиленькая девушка с удивлением взглянула на мою перемазанную физиономию и покопалась в компьютере.

– Такого в Берлине не значит. Очень сожалею, что не смогла вам помочь.

Скверно. Источника информации, на который я надеялся – нет. Нужно искать другой и заодно где-то почиститься. Отель? Привести себя в порядок там можно, но узнать что-нибудь путное вряд ли. Через несколько кварталов вижу вывеску "Bierstube²". Как раз то, что надо. Захожу. Посетителей немного. Некоторые оборачиваются на звук дверного колокольчика. Бармен удивлённо глядит на появившееся перед ним перемазанное чучело.

– Где у вас можно почиститься и умыться.

– Вон туда налево, а потом направо. По табличкам найдёте. Вот возьмите щётку. В туалете её нет.

Привожу себя в относительный порядок, возвращаюсь в зал и отдаю щётку.

– Спасибо большое. Кружку тёмного, будьте любезны.

За рулём пить пиво не следовало бы, но кружка с пивом в таком месте – это атрибут для общения. Не спеша отхлёбываю и оглядываю зал. А пиво-то отменное, как и до войны. Германия без пива не Германия. Немудрено, что первым делом восстановили пивной промысел. Вон за тем столиком подходящие для беседы две фигуры в аккуратных костюмах. Похожи немного на интеллектуалов. Во всяком случае, лица не глупые. Типичные любители поболтать о политике. Лениво беседуют, потягивая пиво и рассматривая что-то в лежащей на столе газете.

– Позвольте присоединиться к вам, господа?

– Отчего бы и нет? Присоединяйтесь.

Оба с интересом приглядываются ко мне.

– Мы видели, в каком виде вы вошли. Побывали в развалинах?

– Побывал. Удручающее зрелище. Как так можно? Ужас какой-то.

² Bierstube – пивная (нем.)

– И не говорите. Меня зовут Фриц, а его Генрих.
– Фрэнк.
– Американец?
– Из Вашингтона.
– А как у вас?
– На побережье почти то же самое, а в глубине страны получше, но тоже разрушений немало. Вы здесь живёте?
– С самого основания. Ещё ничего не было. Палатки да фургоны. Понемногу оживаем.
– Понятно, а я вот попытался найти друзей из лингвистического общества, но оказалось, что его вообще нет.
– Много чего ещё нет, – вздохнул Генрих, – но со временем всё будет. Сейчас не до гуманитарных наук, но мысли о гуманности беспокоят всех. Война у многих изменила представления и цели.
– Вот-вот, – подтвердил Фриц, – война никому не нужна, но политическая реакция всё никак не сойдёт со сцены.
– Верно, – согласился с ним Генрих, потрясая взятой со стола газетой, – потенциальна угроза милитаризма так никуда и не уходит.
– А что там стряслось, – поинтересовался я, указывая на газету.
– Бундестаг большинством всего в пять голосов опять провалил проект закона об изменении источника оплаты труда служащих государственных органов.
– А разве этот источник имеет какое-то значение?
– Ещё какое! – взвился Фриц. – Как вы не понимаете, если что-то плохое происходит, то для этого должна быть причина. Плохое – это войны, а где они вызревают? Во власти. А из чего вызревают? Из произвольности действий. В какой-то захудалой Лабарии это поняли, а наши идиоты ничего понимать не хотят. Слышали что-нибудь про Лабарию?
Я кивнул.
– В этой же газете Партия труда заявляет, что никогда не прекратит добиваться принятия закона и начинает кампанию за лишение мандатов тех депутатов, которые голосовали против.
– Трудную и благородную задачу поставила перед собой ваша Партия труда. И особенно интересно, что в результате своей же победы ей придётся объявить о самороспуске.
Оба собеседника удивлённо уставились на меня?
– Как так?
– Вот вы тут упомянули Лабарию. Не задавались вопросом, почему там сейчас нет ни одной партии?
– В самом деле?
– В самом деле.
– Если этот так, то я ничего не понимаю, – заявил Генрих.
– Я тоже, – поддакнул Фриц. – А вы, Фрэнк? Это точно, что там нет партий?

– Точно. Меня это поначалу тоже очень удивило, но потом мне растолковали, в чём тут дело.

– И в чём же?

– Я могу сказать только поверхностно, как сам понял. На самом деле всё может оказаться глубже и сложнее.

– Нам бы тоже хотелось понять такую странную и парадоксальную ситуацию. Хотя бы и поверхностно.

– Тогда слушайте. Между гражданами и властью существуют противоречия, происхождения которых граждане не могут понять и разрешить тоже не могут. Тогда возникает идея буфера, который нужно провести во власть, чтобы он отстаивал интересы граждан. Это и есть партии. Вы согласны?

– Конечно.

– У каждой партии есть своё представление, каким способом интересы народа отстаивать. И это означает предложение гражданам попробовать разрешить противоречия предлагаемым партией путём. Причём путь у разных партий тоже разный хотя бы внешне. Нет возражений?

– Пока нет.

– А теперь скажите, Генрих, как вы понимаете последствия смены источника оплаты власти по лобарийскому примеру? Что меняется для отдельного гражданина?

– Так об этом чуть ли не в каждой газете толкуют. Любой гражданин может перестать платить налог на содержание властных лиц, если докажет в суде, что этими лицами ему нанесён ущерб. Но это так, в общих чертах как принцип. Полагается, что тогда администрация и законодатели будут стараться не нарушать прав граждан, чтобы не терять место и жалование.

– Тогда зачем нужны партии с их разными и безрезультатными программами? Люди будут быстро решать свои проблемы единственным прямым путём и это как раз путь не уговоров, а принуждения власти не нарушать прав граждан. Отпадает нужда и в мошеннических выборах, ибо смена источника финансирования означает не выборы некоторых служащих власти, а их поголовный наём.

Мои собеседники задумались, уставившись друг на друга. Я допил пиво, попрощался и вышел на улицу. Очень интересные сведения я без всяких проблем получил в обычной пивной. В Германии зреют грандиозные изменения, и они начнутся не позже завершения очередных выборов. А, может быть, даже и досрочных. Преимущество консерваторов обратится в ноль очень скоро.

Куда теперь податься? Нужно найти отель и отдохнуть. Утром двинусь дальше. Нужно заглянуть в Чехию.

Чехию война как-то обошла. В Прагу я прибыл в середине дня. Просмотрел газеты. Про Лабарию нет ничего, кроме большого иллюстрированного репортажа в газете, называющей себя независимой и оппозиционной. Много фото Тафии. Смотри-ка, сквер на главной площади и в кадр попал Анжей Иванов со своей внучкой. Виды сельскохозяйственных и цветочных полей, улыбающиеся лица

людей и, конечно же, пляжи со сногшибательными красотками на них. Что бы это означало? Запрет цензуры на тему о Лабарии? Уже все выговорились, и сказать больше нечего? Странное дело. Нужен источник информации. В Чехии нет лингвистического общества и бывал я тут только проездом. Каждый раз хотел заглянуть в гости к Ярославу Гашеку и его бравому солдату Швейку, но было как-то недосуг. Нужно спросить у прохожих как до них добраться. Оставил машину у отеля, и пошёл, что называется, в город.

– Скажите, пожалуйста, как мне дойти до трактира "У чаши"?

– Это тут рядом, – ответила миловидная девушка в розовом платье. – Видите вон ту улицу? Пройдите по ней до второго поворота налево и там найдёте. Мимо никак не промахнётесь, – и, окинув взглядом мою нехилую статью, с улыбкой добавила: – Вы там не пропадёте.

Что бы это значила её последняя фраза? Мимо лукавой мордашки Швейка на вывеске и в самом деле трудно пройти, не заметив её. В окне крупная надпись: "Предательские разговорчики у нас всячески приветствуются". Внутри оживлённо. Стойка трактирщика с блестящими кранами, по стенам рисунки Йозефа Лады – иллюстратора романа о Швейке. Сам трактирщик в белом фартуке управляет кранами как штурвалом корабля. Подавальщицы ловко разносят кружки с пивом. Колоритно и приятно. Столы на шесть человек. Скатертей нет. Пристраиваюсь у короткого конца стола, где четверо уже сидят и о чём-то увлечённо болтают.

– Вы позволите присоединиться к вашей компании?

Все четверо окинули меня оценивающими взглядами и почти одновременно кивнули. Сидящий слева крепыш протянул для пожатия руку.

– Иржи, а вас как?

– Фрэнк.

– Впервые здесь?

– Впервые. Что посоветуете взять?

– Сегодня светлое смиховское замечательное.

– Тогда мне смиховского светлого пока что кружечку, – заказал я подошедшей подавальщице.

Иржи одобритительно кивнул. Помолчали.

– Не сочтите за бестактность, Фрэнк, можно вас спросить, каких политических взглядов вы придерживаетесь?

– Предательские разговорчики я обожаю, если вы об этом, – рассмеялся я.

– Превосходно! Стало быть, вы попали в нужную компанию. Мы тоже обожаем. Вы не удивляйтесь вопросу. В "У чаши" собираются в основном два лагеря, чтобы поспорить о политике. Нытики и попутчики. Мы вот нытики, а попутчики – это те, которые всем довольны и поддерживают правительство. Вон они за соседним столом сидят. Тех и других собирается примерно поровну, и иногда возникают острые дискуссии. Интересно. Вы откуда, Франк?

– Из Штатов.

– У вас есть такие заведения?

– Не знаю. Никогда не интересовался. Люди-то везде одинаковые. Так что, наверное, есть.

Поднесли пиво. Сделал несколько глотков и огляделся. Места уже почти все заняты, и гомон голосов стал громче. Подошёл человек, и пристроился на противоположном от меня конце стола. Кивнул всем как знакомым.

– Мы вот тут обсуждаем сейчас будущее Европы, – сообщил Иржи, опять повернувшись ко мне. – У вас Фрэнк, есть какое-нибудь мнение на этот счёт?

– Вопрос вовсе не в Европе, а всём мире. Прошедшая война это показала.

– Вот это верно! И мы о том же говорим, а наш президент Ганзелка этого не понимает и всё надеется, что при следующей войне нас опять пронесёт мимо. Подмял под себя все средства информации и дрожит, как бы там что-то не проскользнуло такое, что кому-нибудь за границей не понравится.

Я откинулся на спинку стула, допил пиво и заказал ещё. Как славно здесь! Сидящие за столом что-то доказывают друг другу про демократию. Подавальщицы порхают по проходам. Звон кружек. Облака псевдотабачного дыма от длинных, фарфоровых курительных трубок поднимаются к потолку. Подавальщицы проделывают странные манипуляции с картонными подставками под кружки. Когда приносят полную кружку, то пишут на картонку какие-то значки. Когда уносят пустые кружки, то и картонки уносят с собой.

Опять информация из пивнушки оказалась почти исчерпывающей. В Чехии цензура средств информации. Хотя не запрещается говорить, что угодно. Не знаю, сколько времени я просидел в полном блаженстве. Мои плавно текущие мысли прервал громкий тост за столом попутчиков. Мощный мужчина с усами и бородой поднялся и воздел кружку вверх.

– Слава президенту Ганзелке!

Остальные за тем столом тоже поднялись, чокнулись кружками.

– Слава! Слава! Слава!

– Дерьмо ваш Ганзелка! – бросил Иржи в ту сторону.

– Президент дерьмо?! – взревел бородач.

– Конечно, дерьмо и ты, Павличек, вместе с ним.

Бородач отбросил стул, развернулся и схватил Иржи за волосы. Но тот выскользнул и хлесь противника по физиономии. За что мигом получил кулаком по макушке. В другом конце зала кто-то заорал:

– Попутчики наших бьют! Лупите этих прохиндеев!

Все, кто был в трактире, вскочили на ноги. Грохот падающих стульев, опрокинутых столов, звон бьющихся об пол кружек. В один миг благообразие мирной вечеринки превратилось во всеобщее побоище. Мелькающие кулаки, перекошенные рожи, звук смачно наносимых ударов. Подавальщицы спрятались за стойку, и спокойно созерцают занятную картину. А трактирщик как отважный капитан в бурю, сложив руки на груди, возвышается среди них, без всяких эмоций наблюдая за происходящим. Пол скользкий от пролитого пива. Дерущиеся падают, не прекращая махать кулаками. Поднимаются и снова падают. Трещит разрываемая одежда. Слышатся взаимные поношения. Больше животного характера и свинья среди них самое милое.

Бородатому всё же удалось прочно ухватить Иржи за волосы, и он ритмично бьёт нытика мордой об стол. Это уже не по правилам. В цивилизованной драке не принято лупить противника твёрдыми предметами и об них тоже. Вскокиваю и наношу удар бородачу в глаз. Тот только головой помотал. Отпустил жертву, и бросился на меня. Матёрый мужичище. Удары на меня так и посыпались. Но и я не промах. Успешно их отражаю, наношу свои, но всё же пропустил крепкий удар по рёбрам. Аж дыхание перехватило. Бородач теснит меня к стене, и я теряю свободу манёвра. Рука противника пошла в замахе далеко назад, чтобы, наконец, одним ударом покончить со мной, но я вовремя присел и кулак врезался в стену. Рёв боли и тут-то я и уложил бородача классическим апперкотом.

Дальше помню уже смутно. Было не до глядения по сторонам и время словно остановилось. Я куда-то и по кому-то бил. Непонятно по своим или чужим. Навстречу мне выскакивали кулаки, и один из них разбил бровь. Я поскользнулся, грохнулся на пол и чтобы не быть затоптанным в горячке изысканного развлечения, на четвереньках заполз под стол. Оттуда увидел, как трактирщик заложил пальцы в рот. Раздался оглушительный, залихватский свист и драка мигом прекратилась.

– Всем рассчитаться за пиво и с каждого ещё по двадцать крон за битую посуду, – послышалась команда трактирщика. – Валите отсюда!

Кого-то пришлось отливать водой. Публика безропотно выстроилась в очередь к своим подавальщицам для расплаты за удовольствие. Понятны стали их манипуляции с подставками. Если их оставить на столах, то потом не найдёшь для счёта. Вывалились на улицу. Уже темно. Иржи, ощупывая разбитый нос, удовлетворённо и с подъёмом произнёс:

– Плодотворная сегодня получилась дискуссия. Да и ваши аргументы, Фрэнк, были тоже очень неплохи. Приезжайте ещё.

– И сколько времени обычно длится такой обмен мнениями, как сегодня?

– Минут по пятнадцать-двадцать, говорит трактирщик. Я-то сам не считал. Счастливые часов не наблюдают. Смотрите, Павличек выходит. Эй, Мирослав, ты как там?

Тот подходит. Показывает распухший кулак. Беззлобно взглянул на меня одним глазом.

– Пальцами больно пошевелить, но переломов вроде бы нет. Следующее заседание без моего участия.

Утром меня в Праге уже не было. Что же такое происходило вчера в трактире "У чаши" я так и не понял. Однако всё-таки этот Мирослав солидно приложил меня по рёбрам. Глубоко вздохнуть больновато. Не сломал ли чего? Когда расплачивался за отель, по висящему на стене телеvidу сообщили, что в Москве произошёл реакционный переворот. Подробностей ещё нет.

Австрия своеобразная страна. Под этим названием на самом деле три страны: Австрия, Венгрия и Румыния. Беда обошла их стороной, и они во время

войны создали коалиционное государство, чтобы не оказаться раздавленными поодиночке. Назвали его Австрией для краткости. Идея оказалась удачной. С началом войны Швейцария стала захлёбываться от денег, которые пытались там спасти или спрятать. Австрия объявила о нейтралитете и своём банковском проекте сохранения вкладов. Финансы потекли и в неё. На этом Австрия обросла жирком. И теперь ей никто не нужен и на всех ей наплевать. В стране тишь и благодать. Политическая активность отсутствует начисто. Правда, газеты там не врут о происходящем в мире, но и читают их лишь ради того, чтобы потешить чувство собственного счастья. Обыватели с сознанием своей полной неуязвимости, наблюдают чужие беды со стороны. Однако это довольно благополучие лопнет, если "лабарийская зараза" охватит всю Европу. Вклады постепенно перестанут поступать.

Особенно не спешил и проехал Австрию до Лабарии за два дня. В Тафии вроде бы пока спокойно. Солнце светит, птицы поют. В отеле как всегда меня встретили радушно.

– Как долго вас не было, господин Харт!

– Так уж и долго, Богомил? Чуть больше месяца разве срок? Какие новости?

– Да заметных никаких. Разве что туристов побольше стало. Даже из Штатов. Так что ваш любимый номер занят, но прямо сейчас освобождают соседний. Если подождёте несколько минут, то там закончат уборку.

– Отлично. Ждать я не буду. Вот моё барахлишко и ключи от машины. Пойду, прогуляюсь.

Середина дня прошла, но к госпоже министру экономики звонить ещё рано. Но в прошлый раз в это же время я встретил на главной площади Анжея Иванова с внучкой. Вдруг они и сейчас там? Они там и оказались.

– Господин Иванов!

– Господин Харт, если мне не изменяет память!

Расшаркались друг перед другом. Снежана вместе с другими детьми плещется в фонтане.

– Это о вас, господин Харт, мне говорила Марта Василева?

– Возможно. Я с ней знаком.

– Тогда наша вам благодарность за великолепную идею.

– Значит, она всё-таки проболталась, а я ведь просил меня не упоминать.

– А чего вы опасаетесь?

– Что это дойдёт до моих работодателей и тогда с меня шкуру спустят, а у меня жена, дети и всё такое.

– Не беспокойтесь. Она проболталась только мне и только потому, что вы упомянули о нашей с вами беседе в прошлый раз. Никуда дальше это не пойдёт.

– Ладно, поверю на слово. Я проехался по Европе. Лабарийская идея имеет кое-где популярность и вполне возможно, что у вас скоро появятся союзники.

– Серьёзные?

– Достаточные для того, чтобы послужить некоторым препятствием к вторжению в Лабарию.

– И на кого мы можем надеяться?

– На Германию вполне определённо после очередных выборов в Бундестаг, но они через полгода. На Францию, но неопределённо по времени. Там движение в поддержку Лабарии ещё только набирает популярность. Но, мне думается, Франция будет пока придерживаться нейтралитета в этом вопросе. Это тоже неплохо, ибо её благословения на военные действия в Европе будет не получить, а ведь Франция весомая политическая сила. На остальных можете и не надеяться в ближайшие годы. Но вот два дня назад в Чехии я услышал новость о перевороте в России. Вам известны какие-нибудь подробности, господин Иванов?

– Те же, что и всем. Кто взял власть не очень-то понятно. Никаких конкретных заявлений пока нет. Оглашено лишь общее намерение о реформировании системы государственного управления и поддержке демократических преобразований, где бы то ни было. Но ведь наши преобразования к демократии не имеют отношения. Марта Василева знает обо всём этом гораздо больше. Получает сведения прямо из представительства в Москве. Однако странное дело. У нас торговых отношений с Россией до сих пор ещё нет, а торговое представительство есть. Интересно, чем они там занимаются?

– Вряд ли стоит об этом беспокоиться. В России ещё не совсем понимают, что происходит у вас, и пользуются привычными штампами. В Лабарии прямое народовластие, а к этому понятию ещё привыкнуть надо. Ведь оно до сих пор считается недостижимой фантазией. Будет и договор о сотрудничестве, будет и договор о взаимопомощи. Нужно только продержаться некоторое время.

– Вопрос в том есть ли у нас это время. Ваш штатовский средиземноморский флот покинул базу на Мальте и обосновался в Босфоре. То есть рядом с нами. Зачем?

– Гадать бесполезно, господин Иванов. Повлиять на краткосрочную ситуацию вы не можете. А вот в долгосрочной просматриваются хорошие подвижки в вашу пользу. Нужно их расширять. Чтобы напасть на Лабарию нужна санкция или попустительство Европейского сообщества, а Франция и Германия там имеют большой вес. С другой стороны, никто очередной войны не хочет. Я имею в виду массы и настроены эти массы решительно. К тому же имеют на руках оружие. Вряд ли какое-нибудь правительство попытается этим пренебречь, как бы враждебно оно к Лабарии ни относилось бы. Украшения этой площади два года назад приведут в чувство кого угодно. Извините, господин Иванов, что я откланиваюсь. Хочу перехватить госпожу Василеву.

Позвонил Марте и договорился встретиться с ней в "Бай Ганю".

– Здравствуйте, Фрэнк. Что-то задержались вы в Москве. Да и я не ожидала, что вы оттуда прямо к нам.

– Здравствуйте, Марта. И не очень-то прямо к вам. В Москве я пробыл всего пару дней. Поспрашивал своего давнего приятеля из посольства об их житье-бытье, пробежался по ночным улицам и всё. Проехался по Европе и посмотрел по сторонам. Ужас, конечно, что творится, но люди надежды не теряют. Чем мы с вами побалуемся? Кофе или перекусим?

– Здесь сардельки замечательные. Давайте закажем.

Сардельки и в самом деле оказались бесподобными.

– А что это, Фрэнк, у вас за отметина на брови. В прошлый раз её не было.

– Память об интересной дискуссии по вопросам политики.

– Дискуссии? – рассмеялась Марта. – Представляю себе её. Очень горячая была?

– Не без этого, а у вас есть какие-нибудь новости?

– Развернули мы по вашей идее проект в Штатах. Заметных результатов, конечно, ещё нет, но имеется интерес к Лабарии и тому, что у нас происходит. Но пока ещё недоверчивый и не очень значительный. Работаем.

– Целенаправленность проекта ещё не замечена?

– Трудно сказать, но мы газетную кампанию ещё не начинали. Подбираем объекты, издания, за которые можно зацепиться. Недели через две, возможно начнём. Но пока нам препятствий не чинят.

– А из Москвы какие-нибудь вести доходят?

– Ещё какие!

Марта даже заёрзала на стуле от нетерпения поделиться, тем, что ей стало известно.

– У нас там есть торгово-экономическое представительство. Любопытная штука. Отношений нет, а представительство есть. Оно открыто задолго до войны и когда сотрудничество разорвалось, его забыли закрыть. Неразбериха-то царит везде до сих пор. Чем там сотрудники живут совершенно непонятно. Жалование им высылается, но не индексируется и обесценилось от инфляции. Тем не менее, возврата на родину не требуют. Я подозреваю, что они просто вжились в местное население, образовали семейные связи с русскими и теперь оттуда их уже не вытащить. Об этом говорит и характер информации, которую нам передают. Она довольно глубока, подробна и детальна. От них самих такие сведения не могут исходить. Чего вы смеётесь, Фрэнк? Закажите лучше кофе или по второй порции сарделек?

– Как же не смеяться, когда история с забытым представительством просто анекдот. Давайте, пожалуй, сарделечки ещё раз повторим. Продолжайте, Марта.

– Я раньше как-то не придавала значения этому ресурсу. Законсервировано и ладно, но вот вслед за вашим отъездом туда решила поинтересоваться. Торговой информации там никто не собирает, но вот сведения о том, что происходит в Москве, внушают оптимизм. Понимаете, оказывается, что там существует многочисленная и влиятельная организация ветеранов войны. Существует нелегально, но как раз у неё больше всего шансов

сменить существующую власть. И что самое любопытное, что как раз эти ветераны очень интересуются нашим социальным экспериментом.

– Ничего удивительного, Марта, новая сила ищет новые пути.

– Согласна, однако, этот интерес какой-то пассивный. Наблюдают, поддерживают распространение листовок в защиту Лабарии, но контактов с нами не ищут. Впрочем, и притязаний на власть не предъявляют. И вдруг там словно их шилом кольнули. Всё руководство ветеранов сверху донизу внезапно активизировалось, засуетилось, стало проводить собрания, на которых определялись возможные должностные лица новой власти в России...

Просто приятно наблюдать, как ожила Марта с прошлого раза. Какой энтузиазм появился! Она и в самом деле увлечена тем, о чём говорит и, похоже, может говорить бесконечно. Наверняка и какие-то новые планы строит. Как может измениться человек, когда уходит страх, и появляется надежда...

– Фрэнк, вы где? Очнитесь!

– А? Что? Здесь я, конечно. Что за вопрос?

– Бросьте, вы меня совершенно не слушаете. Повторите, что я только что говорила?

– Э-э-э...

– Вот то-то и оно. Наши проблемы вдруг вам стали неинтересны настолько, что и лениво о них даже слушать?

Вдруг Марта замерла, чуть не раскрыв рот, и с изумлением глядя мне в глаза.

– Бог мой, какая же я дура беспросветная! Зачем слушать, если вам это всё известно лучше меня и из первых рук. Могла бы догадаться, почему вдруг всё изменилось. В Москву отправился Фрэнк Харт – мастер иезуитских политических идей и провокаций. Неизбежно должно было что-то произойти. Такое шило я на себе испытала при нашей прошлой беседе. Вот и произошло – ветераны оживились настолько, что три дня назад было объявлено о смене состава власти без выборов. И чем вы их там прельстили или напугали? Секрет?

– Секрет и вам я его не открою – не умеете хранить, Марта.

– Как не умею?

– Вы про автора авантюры в Штатах разболтали Анжею Иванову.

– Но это же Анжей! Я его сто лет знаю. Дальше него это никуда не пойдёт.

– Знаю, что не пойдёт. Он мне сам час назад пообещал. Но, Марта, кто бы и как бы ни был бы достоин доверия, если вы пообещали, что не скажете никому, то это и должно быть на самом деле никому. Понимаете?

На Марту стало жалко смотреть, как она скисла. Хоть она и министр, но выволочку получила совершенно справедливо и она это прекрасно понимает. Однако сила духа у неё изрядная. Мигом оправилась от полученной оплеухи. Состроила глазки, как нашкодившая девочка и пробормотала:

– Виновата. Я так больше не буду. Может вину загладить кофе за мой счёт?

– Только если будет двойной и с пирожными.

Заказанное принесли быстро. Помешивая ложечкой в чашке, Марта всё же рискнула задать тот же вопрос.

– Так как же насчёт секрета? Я ведь изведусь.

– Да бросьте, какие уж тут теперь секреты. Нужно только дождаться, когда в Москве утрясут кадровые формальности с вступлением в должности и передачей дел. Тогда и будет объявлено о новом курсе. А что они объявят, я понятия не имею, а насчёт прогнозов, то вы и сами прекрасно их делаете. Договор с Россией прекрасный инструмент, чтобы отбить у кого угодно охоту планировать вторжение.

– Если такой договор будет, то отпадает необходимость что-то делать в Штатах.

– Ключевое слово "если". А если нет? А также если отменить проект в Штатах, то неизвестно сменится ли в Штатах обычный курс на милитаризм, а это проблема всеобщая. Она была причиной прошедшей войны и будет источником будущей. Вы уверены, что она обойдёт Лабарию как в этот раз? Давайте-ка лучше поговорим о чём-нибудь другом.

– О чём?

– Хотя бы о личном. Я вот заглянул к вам на обратном пути домой, чтобы узнать, как идут дела, попрощаться и посетовать, что, наверное, нескоро мы опять встретимся. Что-то мне это подсказывает.

– Когда вы уезжаете, Фрэнк?

– Завтра часиков в десять отбуду. Хочу заглянуть ещё во Францию. Когда я ехал сюда, то не было возможности присмотреться, а интересности там есть.

– Я приду вас проводить.

Просидели в "Бай ганю" до сумерек.

Ехал опять не спеша, с остановками на посмотреть попутные достопримечательности. Париж, Париж, как же тебя изувечили... От лингвистического общества осталось одно воспоминание и руины. Кто и где никому неизвестно. Вечереет. Позвоню-ка я Люси. Может, она что-нибудь подскажет. В Париже сеть связи вроде бы восстановили. И, в самом деле, трубку сняли.

– Слушаю.

Не она.

– Здравствуйте, можно Люси?

– Сейчас.

Пауза.

– Алло!

– Люси, это Фрэнк.

– Боже мой, вы в Париже?

– Да.

– Немедленно к нам! Помните, где меня оставили?

– Конечно.

– Вы далеко от этого места?

– В двух минутах.

– Тогда я выхожу и буду вас там ждать.

И действительно, стройненькая фигурка Люси стоит на углу. Садится в машину.

– Здравствуйте, Франк. Смотрю, на вашем танке вмятин прибавилось. Опять, наверное, попали в оборот. Трогайте. В наш двор не так просто добраться. Заедем за угол. Теперь в ворота направо. Ещё раз направо и сразу налево. Дальше ехать некуда. Вот это задняя дверь, а через вестибюль выход на Клебер.

– Сейчас, подождите, я кое-что заберу из багажника.

Забираю пакет с консервами.

– Нам на третий этаж.

Широкий коридор квартиры теряется где-то в гулкой дали. Нас встречает мать Люси – живая и нисколько не седая женщина лет шестидесяти.

– Это моя мама.

– Фрэнк.

– Матильда Коло. Добро пожаловать, Фрэнк. Люси много о вас рассказывала.

– Полноте, мадам Коло, как можно много рассказывать о столь коротком знакомстве. Вот небольшой подарок для вашей кухни.

Матильда Коло заглядывает в пакет.

– О, Фрэнк, какой королевский подарок. Нам право неудобно. Но если не кривить душой, то никакая неудобность не заставит меня отдать этот пакет обратно.

Мадам Коло потащила куда-то добычу, а из глубины квартиры появились мужчина и женщина немного старше Люси и двое детей десяти-двенадцати лет.

– Моя сестра Оливия, её муж Мишель и дети Андре и Жанна. Фрэнк, вы в отель уже устроились?

– Ещё нет.

– И не надо. У нас столько свободных комнат, что можете даже выбирать, какая понравится.

Не прошло и двух часов как вся семья мадам Коло и я вдобавок сидели в большой столовой за скромным ужином, и болтали обо всём, что в голову взбредёт. Очень даже милая, интеллигентная семья. Сразу становится как-то близкой.

– Фрэнк, вы задержитесь в Париже? – поинтересовалась мадам Коло.

– Ещё не решил. У меня есть свободных неделя-две. Если будет на что их потратить...

– Будет, будет, – поспешила обнадежить Люси. – Даже в таком Париже есть, на что убить время. А если бы не война...

– Люси, мы же договорились о войне не поминать, – откликнулась мадам Коло.

– Мама, – заметила Оливия, – поминай или не поминай, а никуда от неё не денешься. Господин Харт, вот вы учёный человек и даже социолог. Можете объяснить, откуда на нас сваливаются такие напасти, хотя мы их не желаем.

– Вы очень хотите знать? Можете просто кивнуть на государственную власть и будете правы. Но если хотите прекратить войны раз и навсегда, то, чтобы понять, как это сделать, нужно покопаться в механике возникновения войн и не только войн, а это скучно.

– Вот-вот, знать скучно, а умирать ух, как весело, – высказался Мишель. – Я бы с большим интересом прослушал бы хоть самую скучную лекцию, лишь бы это помогло остановить смертоубийство.

– Прослушивание лекции само по себе ничего не остановит. А вот осознанное действие в отношении конкретной цели может многое изменить. Я могу насколько возможно кратко описать принцип возникновения войны, если все готовы его выслушать.

– Ах, Фрэнк, раз уж мои чада завели об этом разговор, то мы все выслушаем полезное для ума. Только давайте сначала чай организуем, – подвела итог мадам Коло. – Андре, Жанна, вы можете идти к себе. Вам это не будет интересно.

Мигом с кухни всё принесено и разлито по чашкам.

– Ну вот, слушайте, раз захотели. Как говорится, слышащий да услышит. Превратим скучную лекцию в домашнюю игру в вопросы и ответы. Итак, в мире существует одно скверное явление. О нём мало говорят, имени у него нет и, например, я называю его "Парадокс врага".

– И в чём он состоит? – поинтересовалась Оливия.

– В том, что одни страны вооружаются с целью нападения, агрессии, а другие делают то же самое с целью защиты от нападения. Вооружаются одним и тем же.

– Так всегда было.

– Верно, но почему? Ведь нападение и защита имеют совершенно разные цели. Для агрессора цель – это вторжение, а для умного защитника цель – не противостояние вторжению, а его предотвращение в зародыше. Но защитник вместо этого совершает совсем обратное. Ввязывается в противостояние армий. Тем самым подставляет своих граждан под топор. Тут побеждает тот, у кого больше пушек, а не прав.

– Здесь как раз отчасти моя епархия, – оживилась мадам Коло. – Как-никак я по образованию философ. Насчёт пушек против прав согласна с вами. Но вот предотвращение вторжения как-то неясно. Для этого нужен доказанный факт агрессивности намерений в отношении конкретной жертвы. А это может быть выявлено лишь в результате нападения. Но тогда уже поздно беду предотвращать.

– Тоже верно, с точки зрения международного права. Но давайте встанем на позиции логики, а не действующего права и картина будет совсем другой. Между намерением напасть и нападением подготовительная дистанция огромного размера для организации армии и вооружения. Цель же для предотвращения вторжения вовсе не вражеская армия, а источник милитаризма – его идеологи и организаторы. Если их убрать, то и войны не будет.

– И, в самом деле, логично. Но это недопустимое вторжение во внутренние дела.

– Не совсем так, Мишель. Танки, подводные лодки, бомбардировщики предназначены вовсе для решения внутригосударственных проблем. Следовательно, вопрос вооружения вовсе не внутренний. Нужно лишь узнать хотя бы о планах или начале производства вооружений и можно беду предотвратить, если не представлять подготовку к войне, как внутреннее дело.

– Я обеими руками за, – поддержала меня Люси. – Логика в таком подходе безукоризненная. Я даже догадалась, что за этим следует. Вооружение – это не конкретная угроза кому-то определённом, а потенциальная угроза всем окружающим. Кто угодно имеет право на её устранение, раз она не чья-то внутренняя.

– Bravo! – мадам Коло похлопала в ладоши. – Оказывается, моя дочь совсем не глупа. Очень даже красиво выразилась. А этого не сказать о её коллегах по работе, если почитать, что они пишут.

– А где ваша дочь работает, мадам Коло?

– В газете "Монд" редактором. Что там у нас дальше, Фрэнк? Открываются интересные вещи, о которых я никогда раньше и не подумала бы. Я даже, подражая дочери, расширю рассуждения ещё больше. В случае появления признаков милитаризма даже на начальной идеологической стадии у кого угодно возникают основания устранять идеологов любым способом, невзирая на страны, границы и положение. Нужно только это правило внести в международные законы.

– Абсолютно верно, любые попытки, ведущие к возможной войне, должны безжалостно подавляться. На одной чаше весов неисчислимы жертвы и разрушения, которые невозможно отменить и восполнить, а на другой – условности правил, законов и договоров, которые очень просто пересмотреть.

– Пожалуй, со всем этим можно согласиться, если бы не одна брешь в этой логике, – отметил Мишель, – Войны начинаются по корыстным и амбициозным мотивам властителей. Они никогда не допустят появления законов, препятствующих их личным интересам.

– Тогда ещё один простейший вопрос. Что позволяет власти удовлетворять свои амбиции и корысть во вред народам?

– Фрэнк, это что? Намёк на нашу газету? – встрепелась Люси.

– Какой-токой ещё намёк? – заинтересовалась Оливия.

– Есть в Европе страна Лабария, – ответил я. – Там как раз эту проблему вроде бы решили, а газета "Монд" вместо честной информации об этом публикует всякие инсинуации.

– Это у них получается лихо, – подтвердила мадам Коло. – Если бы не безработица, я бы никогда не позволила своей дочери там служить. Интересный сегодня получился разговор. Жаль короткий. Поздновато уже.

Выбор комнаты для личных нужд мне и в самом деле предоставили богатый. Но я выбрал ту, которая специально для гостей. Какой-то дискомфорт чувствовал, когда Люси показывала помещения, в которых когда-то жили

погибшие члены этой семьи. Великолепная широкая кровать, большие окна, свой туалет и ванная, но вода только холодная. Люси объяснила, как они выходят из положения. Наливают воды в ванную и надолго её там оставляют. Вода хотя бы нагревается до комнатной температуры и уже не так страшно лезть в неё.

С блаженством растянулся на кровати и уже начал засыпать, но вдруг почувствовал, что в комнате есть кто-то ещё. Качнулся матрас, зашуршало одеяло, и послышалась команда:

– Подвиньтесь, лейтенант! Капитан пришёл.

Капитан оказался бойким и компетентным. Спит ещё, слегка посапывая носом. Будить не стал, но когда я, умывшись, вернулся, то застал Люси уже сидящей на кровати и протирающей глаза.

– Как я сюда попала?

– Наверное, ошиблись дверью.

– Не иначе. Что собираетесь сегодня делать, лейтенант?

– Не знаю, думал вы, Люси, что-нибудь предложите.

– Сегодня ещё только пятница. Мне надо на работу. Знаете, Фрэнк, давайте сделаем вот что. Позавтракаем, и вы меня отвезёте в редакцию. Я быстренько раскидаю текущие дела часам к двенадцати, и вы за мной заедите. А там уж сообразим что-нибудь.

Так и сделали. Если утром на нас у здания редакции с любопытством поглядывали только спешащие на работу, то когда в двенадцать Люси вышла на улицу, то вслед ей через окна глазел, наверное, весь женский персонал газеты.

– Что делаем, Люси? Только не музеи. Настроение не то – слишком игривое.

– Интересно, с чего бы это? Тогда по хозяйству. Мама просила кое-что купить при случае из пищи.

– На рынок?

– Там жутко дорого, но давайте заглянем. Посмотрим, на что у меня денег хватит.

– Я тоже поучаствую и стесняться не будем. Командировочные за опасные поездки мне платят сумасшедшие.

– То есть сами предлагаете вас растрясти.

– Вот именно.

– Тогда вперёд!

Цены и в самом деле очень высокие, но зато продукты свежие. Прошлись по рядам. Взяли две курицы.

– Подождите, Фрэнк, у меня есть пластиковые пакеты с ручками. Вот, кладите. Вам таскать добычу.

Пошли дальше. Взяли масло, яблоки, зелень, огурцы, лук. Ноша потяжелела. Люси дело знает и торгуется упорно. А вот помидоры. Аппетитные. Люси выбирает, а я пристроил пакет на лежащие тут ящики и повернулся к ней. Наша добыча мгновенно обрела ноги, и со свистом улетела куда-то вдаль, умело лавируя между прохожими. Я даже не стал пытаться её догнать. Люси охнула, но увидев мою обескураженную физиономию, рассмеялась.

– Убежал наш обед. Здесь это часто бывает. Нельзя ничего из рук выпускать, но иногда и это не помогает. Моя вина – не предупредила. Что теперь делать?

– А что тут поделаешь? Пойдём назад, покупая то же самое.

Повторили обход и даже купили пару бутылок десертного вина. Мадам Коло была поражена и несказанно обрадована.

– Да у нас сегодня будет не просто обед, а целый праздник.

Не только обед, но и ужин тоже оказался совсем не аскетическим.

В воскресенье вечером мы с Люси сходили в "Мулен руж". Канкан был восхитителен. Думаю, эта мелодия никогда не умрёт. А до этого заглянули в Лувр. Вернее, его уцелевшую часть. Приятно провели время. Несколько дней, пока Люси в своём "Монде" редактирует газетные утки, я бродил по улицам в поисках тех, кто оставляет на стенах листовки и надписи в защиту Лабарии и против правительства. Так и не нашёл. Занесло в какие-то трущобные дебри. Народу много. Смотрят настороженно и оценивающе. Словно прикидывают, что можно снять с чужака. Тронуть среди дня не рискнули.

Что я увезу из Франции? В общем-то, лишь одно ценное наблюдение. Раз подрывные надписи и листовки на улицах не уничтожают, то, вероятно, есть сила, которая не позволяет этого делать. Это обнадеживает. Вечером пришлось заговорить о неизбежном.

– Люси, завтра я уезжаю.

– Чему быть, того не миновать. Вы, Фрэнк, хороший человек и мне очень повезло с вами при нашем дефиците мужчин. Не беспокойтесь, у меня с самого начала не было никаких иллюзий на ваш счёт. Так что всё замечательно. Размножаться-то нам как-то надо. Если когда-нибудь снова окажитесь в Париже, то сразу к нам.

Какая замечательная фраза: "Размножаться-то нам как-то надо"! Просто великолепное самооправдание измены жене. Надо же дружественным народам посильно помогать в решении демографических проблем. Устал я немного от всяких приключений. Не поеду в Гибралтар. Лучше махну морем.

Три дня спустя, мою голубую красотку портовый кран извлёк из утробы судна и аккуратно опустил на причал порта Балтиморы. До дома десять минут езды и там ждут. Уже очень поздним вечером мы с Гретой вынесли стулья на лужайку перед домом и усадились под звёздным небом.

– Как хорошо, Фрэнк! Знаешь, уже несколько дней по телевиду крутят рекламу курортов твоей Лабарии. Красиво. Может быть, нам съездить туда? Интересно ведь.

– Конечно, но только морем. Будет ещё интереснее. Да и по суше небезопасно в Европе передвигаться. Бери наших девочек, и отправляйтесь.

– Без тебя?

– Я ведь только что оттуда и дела здесь меня в ближайшее время не отпустят. Билеты я куплю.

- Что-то ты уж очень добрый и покладистый сегодня.
- Отдохнул хорошо.

На следующий день заглянул к своему приятелю домой. Уселись на террасе. Георг просто изнывает от нетерпения, когда я начну свой рассказ о вояже по Европе.

– Нет, Георг, сначала ты расскажи, что у нас в Штатах происходит.

– Ладно, слушай. Буквально через два дня после той сумбурной конференции Гонсовский куда-то испарился, словно его никогда и не было. А ко мне припёрлись три типа с глазами и взглядом змеи, и мягко посоветовали не распространяться о том, что говорилось на мероприятии. Сам понимаешь, при нашей демократии такими советами пренебрегать не приходится. С журналистами и издателями, конечно, тоже поработали. Однако журналисты народ скользкий и сенсацию никогда не упустят. Несколько газет в Канаде опубликовали убойный материал, и скрывать стало нечего. Разгорелся интерес, а потом и скандал, когда стало известно, что старика Гонсовского держали в заточении.

– Очень любопытная ситуация. Ты, конечно, уже ввязался в какую-нибудь коалицию борьбы за честную власть?

– Вокруг Гонсовского нечто такое организовалось. Я примкнул.

– И, конечно, не рядовым членом.

– Главным координатором. Старик у я чем-то нравлюсь. Тебе к нам нельзя.

Приработок в ЦМУ потеряешь.

– Георг, это ведь не научная организация, к которым ты привык. Свернёшь себе шею как раз как координатор и дело провалите.

– С чего бы это?

– С того, что такие спонтанные движения больше опираются на иллюзии будущего, чем на возможные угрозы из настоящего. В упор не видят ничего перед собой до тех пор, пока не рухнут в подготовленную для них яму.

Похоже, мой старый приятель сильно озадачен.

– Слушай, Фрэнк, я, конечно, признаю, что в дебрях политических дорог и интриг с тобой бесполезно тягаться. Голова у тебя светлая и мудрая. Так что не пугай, а колись в чём тут дело.

– Дюжина пива и я тебя проконсультирую.

– Согласен, давай крой.

– Схема тут в принципе простая и в истории повторялась не раз. Поэтому я тебе сначала нарисую картину последствий, если вы на крыльях энтузиазма без какой-либо подготовки тылов рванёте вперёд. Как только вы огласите свою программу и лозунги, то сразу же обретёте массовую поддержку. Начнутся митинги, интервью, теле и газетные дискуссии. Вам ничего не останется, как потребовать досрочных выборов. Вам их сдадут, и вы в атмосфере всеобщей эйфории возьмётесь за рычаги управления.

Однако через некоторое время почувствуете неладное. В магазинах вдруг возникнет нехватка продовольственных товаров. Причём она будет неуклонно

расти. Цены на продукты поползут вверх, и начнётся бешеная инфляция. Вы броситесь на склады, а там пусто. Вы броситесь к фермерам, а они ничего не продают по тем ценам, которые вы сможете предложить. Инфляция ведь. Вы броситесь в казну за субсидиями для фермеров, а там только бумага. Инфляция ведь. Вы броситесь конфисковывать продукты, а фермеры в ответ перестанут их производить и достанут ружья. Сбережения населения растут, и вы вместо сторонников получите врагов. Реакция истошно заорёт, о том, что вы всех разорили своими гиблыми идеями и вам конец, а реакция приходит к власти в ещё более зверском виде, чем раньше. Хорошую картину я нарисовал?

– Да уж, куда там до неё романам ужасов.

Георг надолго задумался.

– Но выход-то должен быть, Фрэнк.

– Выход всегда есть.

– И какой?

– Выход стоит две дюжины пива

– Брось дурачиться. Выкладывай. Тебе же и самому ни к чему наш провал.

– Ни к чему. Это верно и из чистого альтруизма я вас оттяну от провала, если, конечно, не будете упираться. Схема спасения столь же проста, как и схема провала. Никаких программ, заявлений и требований. Тихо ведёте пропаганду для поиска активистов. А с их помощью под шумок собираете сведения о продовольственных запасах и создаёте сеть контроля за производством, перемещением, хранением, распределением и продажей продуктов питания. Только после этого выдвигаете программу и требования. Влияния никакого у контрольной сети не будет до тех пор, пока вы не придёте к власти. Но зато после она получит силу и не даст спровоцировать голод. Соответственно, не будет и инфляции. Если вы не сделаете так до выхода на арену, то вам не дадут этого сделать и после. Да и не успеете.

– Понятно. Аргументы весомы. Я доложу Гонсовскому. А теперь выкладывай, что видел в Европе.

– Ну, здесь всё можно изложить в двух словах. Разруха и надежды. Кое-что там происходит и интересное. Германия, похоже, в ближайшее время двинется по стопам Лабарии. Франция против такого поворота возражать не будет. Вполне возможно, что Лабарию поддержит и Россия. Так что спастись от интервенции у Лабарии шансы высокие. Но вот увернуться от туристического бума не получится. Захлестнёт. Чёрт, как же это я не сообразил их предупредить о такой напасти.

Немного помолчали. Потом с изрядной долей недоумения Георг произнёс.

– Знаешь, Фрэнк, а меня всё же время от времени тихонько грызут неопределённые сомнения. Помнишь слова Гонсовского на той конференции? "Результат поразителен тем, что находится у всех на виду, но так никем и не замечен за всё время существования цивилизации". Не оставляет ощущение, что решение извечных проблем оказывается слишком простым, для того, чтобы быть верным.

– Понятно. Меня тоже довольно долго занимал ответ на вопрос об истинности нового пути для цивилизации. Но когда я проехался по Европе, поговорил с людьми, то многое понял. Все прекрасно знают, что организационным фундаментом общества являются правила отношений – законы. Без них люди не знали бы чего можно ожидать и требовать друг от друга. Совместная деятельность была бы невозможна. Но при этом те же самые люди не воспринимают окружающие события как следствие действия законов. В их сознании и понимании происходящее случайно, неопределённо, непредсказуемо и естественно. Они видят конечную картинку происходящих событий, а не предшествующую им цепь причин и следствий, вызвавших эти события. Источник бед остаётся неизвестным.

– Да, ты прав. Например, покупка вещи в магазине никак не увязывается с правилами производства вещей, хотя без них вещи и не было бы. В представлениях потребителя вещи создаёт завод и на этом все понимания и заканчиваются. В политике в бедах виновата какая-то аморфная власть и на этом представления тоже обрываются. Но какое это имеет отношение к лабарийскому эксперименту?

– Никакого. Имеет отношение к абстрактности общего восприятия мира человеком. Никто в массах не имеет ни малейшего представления, как справедливость выглядит в преломлении конкретных формул законов. Впрочем, как выглядит произвол в законах тоже тайна, а ведь произвол с помощью смысловых подлогов прописывается именно там. Да никто этим и не интересовался, а вот в Лабарии взяли и поинтересовались.

– Что-то не пойму, к чему ты клонишь.

– К тому, что если не знаешь предпосылок события, а оно представляется не очень понятным, то делается попытка истолковать событие так, чтобы оно стало понятным. Так проще. В дебри действительного положения вещей никто не лезет. То есть подмена факта толкованием факта убивает истинность понимания, ибо толкований много, а истина одна.

– С этим соглашусь безоговорочно. Чувствую, что в своих философствованиях ты подходишь к завершению.

– Подхожу. Иными словами, если человек чего-то не понимает в происходящем, то он создаёт себе идола, наличие которого якобы вызывает, и объясняет события. Эти идолы вырастают из примитивных, обманчивых, часто идеологических понятий, которые сами по себе ничего не объясняют. А это вызывает необходимость создать ещё другие примитивы, чтобы они объяснили предыдущие и так дальше до бесконечности. Получается каша из примитивных представлений, в которой нет ни начала, ни конца, ни истинного объяснения. Но возникает иллюзия понимания и она шепчет на ухо, что раз какую-то проблему придуманный идол рисует сложной, то и её разрешение не может быть простым. Простое решение вызывает протест, отторжение, обиду за своего запутанного идола, которого холил и лелеял многие годы.

Вот и весь секрет, Георг. Так что не заговаривай мне зубы и давай-ка дуй за пивом!

Шеф зол и тёмн как туча.

– Давно вернулся?

– Неделю назад.

– Что-то ты не очень спешил доложиться. Впрочем, теперь это не имеет значения. Зря я тебя, Фрэнк, посылал в Лабарию. Опоздали мы. Она сама в Штаты пришла. Чуть ли не половина газет, так или иначе, склоняют события, происходящие там. Я уж не говорю о шумных дискуссиях в научных кругах, уличных сходках и на кухнях. Даже продажная оппозиция повернула нос по ветру и принохивается нельзя ли тут чего-нибудь урвать. Белый Дом в панике. Рукой подать до вырисовывания параллелей между Штатами и Лабарией. Чем это может кончиться трудно даже предположить. Напрасно федералы пошли у Госдепа на поводу.

– А что они натворили, если не секрет?

– Они изолировали Марка Гонсовского, а участникам той конференции посоветовали держать язык за зубами во избежание неприятностей. Теперь всё это вышло наружу, поднялся скандал, а этим старым маразматиком Гонсовским размахивают, как знаменем на всех углах. Пока не прояснится ситуация ты свободен. Занимайся своей наукой.

– Отчёт писать?

– Не надо. Потом как-нибудь расскажешь, где был и что видел.

Я вышел из вашингтонской квартиры ЦМУ. Солнышко на небе, лёгкий ветерок. Только живи и радуйся, а у нашей конторы какие-то сложные проблемы, свалившиеся неизвестно откуда. Ладно, Бог с ними – с их проблемами. Сел в свою голубую красотку, и поехал куда-то без какой-либо определённой цели.

Вот уж никогда бы не подумал, что будет так приятно предать чьи-то интересы. Только вот прибыль за шпионаж, похоже, я скоро потеряю по причине роспуска работодателя.